

18+

ПАВЕЛ
НИКОЛАЕВ

Есенин, его жёны и одалиски

у никитских
ворот

Москва
2022

Павел Федорович Николаев

Есенин, его жёны и одалиски

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67813434

Есенин, его жёны и одалиски: У Никитских ворот; Москва; 2022

ISBN 978-5-00170-600-7

Аннотация

Читателям предлагается книга о судьбе женщин, связавших часть своей жизни с великим русским поэтом Сергеем Александровичем Есениным. Своим бытием Есенин явил миру клубок кричащих противоречий, вереницу высоких взлётов и глубочайших падений. Женщинам, любившим поэта, пришлось испытать все плюсы и минусы этой до крайности противоречивой натуры – ярчайшего и трагического явления природы, каковым предстаёт Есенин перед потомками.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1. «Подлости у меня не хватает»	5
Стихотворения, связанные с Л.И. Кашиной	95
Не напрасно дули ветры...	95
Зелёная причёска	97
Сукин сын	99
«В захвате всегда есть скорость...»	101
Глава 2. «Самое главное в её жизни»	104
Глава 3. «Каждый за себя»	201
Конец ознакомительного фрагмента.	207

Павел Николаев Есенин, его жѐны и одалиски

© Николаев П.Ф., 2022

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2022

* * *

*Вот такой, какой есть,
Никому ни в чём не уважу...*

С. Есенин

Глава 1. «Подлости у меня не хватает»

Поэт и женщины. Сергей Есенин был женат четыре раза. С первой женой, А.Р. Изрядновой, прожил в гражданском браке около полугода. Его второй супругой была З.Н. Райх. Брачная связь с ней оказалась более продолжительной (формально), но фактически вместе – менее года. Со знаменитой танцовщицей Айседорой Дункан узы Гименея связывали Есенина до конца жизни (этот брак официально не был расторгнут), но фактически прожил с ней Сергей Александрович около двух лет. В браке с С.А. Толстой состоял официально три с половиной месяца.

Продолжительные связи разной степени интимности были у Есенина с Н. Вольпин и Г. Бениславской. Об остальных поэт сказал коротко, но ёмко:

*Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну.*

На вопрос лучшего друга А. Мариенгофа «сколько?» – не задумываясь ответил: тысячи три. Анатолий, знавший каждый день жизни приятеля, спокойно обрезал его притязания на донжуанство:

– Не брешу!

– Ну триста, – понизил статистику своих успехов поэт.

– Ого!

– Ну тридцать, – ещё скинул Сергей Александрович.

Другой участник этой застольной беседы «на троих»,

Эмиль Кроткий, передаёт этот диалог несколько иначе:

«Шёл у нас как-то разговор о женщинах. Сергей щегольнул знанием предмета:

– Женщин триста-то у меня, поди, было.

Смеёлся.

– Ну уж и триста!

Смутился.

– Ну тридцать.

– И тридцати не было!

– Ну... десять?

На этом и помирились. Смеётся вместе с нами. Рад, что хоть что-то осталось».

Есенин не был бабником. Один из приятелей поэта писал по этому поводу: «С женщинами, говорил он, ему трудно было оставаться подолгу. Он разочаровывался постоянно и любил периоды, когда удавалось жить “без них”. Но когда чувственная волна со всеми её обманами захлёстывала его на время, то опять-таки по-старому – “без удержу”. Обо всём этом говорил он попросту, по-мужски, и смеясь, но без грусти и беспокойства».

Не желая надолго связывать себя с той или иной женщиной, Есенин легко шёл на случайные связи.

16 февраля 1923 года, высланный из Парижа, он прибыл в Берлин и сразу дал интервью о А. Дункан. Назвал её мегерой, а жизнь с ней адом. Обещал спрятаться от её преследований в Сибири, а если она найдёт его там, он повесится.

Кроме представителей прессы в номере были девушки, которых притащил с собой приятель поэта А. Кусиков. На вопросы журналистов Сергей Александрович отвечал лёжа, положив голову на колени одной из них и рассеянно поглаживая другую.

*Что случилось? Что со мною стало?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.*

*Я всегда хотел, чтобы сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин –
Легкодумных, лживых и пустых?*

«Может, поздно, может, слишком рано...»

ПОЛНОЙ ВОПРОС

Каждая
комсомолка
обязана
ответить ему
на встречу
иначе она

Каждый
комсомолец
может
и
должен
удовлетворять
свои половые
стремления

Лёгкому, безответственному отношению поэта к браку и женщине очень способствовала политика большевиков, активно проводивших в 1918–1925 годах так называемую сексуальную революцию. Глава правительства В.И. Ленин полагал: «Все запреты, касающиеся сексуальности, должны быть сняты». А. Коллонтай, нарком государственного призрения (охрана материнства и младенчества), проповедовала инстинкт воспроизводства и «оголённое» общение полов, без всяких любовных переживаний.

С первых месяцев советской власти широко обсуждались вопросы взаимоотношения полов. Большевики доказывали, что женщина должна быть самостоятельна. Она не может принадлежать ни мужу, ни родителям и имеет право выбирать себе любое количество половых партнёров. Газеты того времени призывали:

«Жёны, дружите с возлюбленными своих мужей!»

«Хорошая жена сама подбирает подходящую возлюбленную своего мужа, а муж рекомендует жене своих товарищей».

На I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодёжи (1918) в устав комсомола был внесён следующий пункт: «Любая комсомолка должна сексуально удовлетворять любого комсомольца, как только он об этом попро-

сит»¹. Этот пункт устава существовал до 1929 года.

Вместе с обобществлением земли и орудий труда большевики пытались национализировать и женщин. На исходе второго месяца Октябрьской революции Саратовский Совнарком принял следующее постановление:

«До сих пор лучшие экземпляры прекрасного пола являлись собственностью буржуев и империалистов, чем нарушалось правильное продолжение человеческого рода. Поэтому с 1 января 1918 года право постоянного владения женщинами, достигшими 17 лет и до 30 лет – отменяется. Женщины изымаются из частного постоянного владения и объявляются достоянием всего трудового народа.

За бывшими владельцами (мужьями) сохраняется право на внеочередное пользование своей женой. Но в случае противодействия бывшего мужа в проведении сего декрета в жизнь, он лишается своего права. Граждане мужчины имеют право пользоваться женщиной не чаще 4-х раз за неделю и не более 3-х часов. Каждый мужчина, желающий воспользоваться экземпляром народного достояния, должен представить от рабочего комитета удостоверение о своей принадлежности к трудовому классу».

Активистам борьбы за свободную любовь выдавали спецмандаты: «Предъявителю сего мандата товарищу Карасёву

---

¹ Не случайно Есенин рвался «задрать штаны бежать за комсомолом».

предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 душ девиц возрастом от 16 до 20 лет, на кого укажет товарищ Карасёв. Главком Иващев».

К такому раскрепощению женщин звали идеологи сексуальной свободы Лев Троцкий, Карл Радек (любимец Ленина), Инесса Арманд (любовница вождя), неистовая комиссарша Лариса Рейснер и первая женщина-министр Александра Коллонтай.

В декабре 1918 года в Петрограде прошёл первый парад секс-меньшинств. На улицы города вышли колонны лесбиянок. Узнав об этом, Ленин радостно воскликнул: «Так держать, товарищи!»

В 1919 году в Москве прошла первая демонстрация обнажённых проповедников разрушения буржуазной семьи и морали. Это были так называемые «дети солнца». Они ходили совершенно голыми, украшенные только красными лентами через плечо с лозунгом: «Долой стыд!» В таком виде они появлялись и в общественных местах. Транспаранты демонстрантов гласили:

«Мы дети солнца и воздуха!»

«Товарищ, дави в себе стыд – этот буржуазный пережиток прошлого!»

«Свободные половые отношения – в массы!»

«Мы, коммунары, не нуждаемся в одежде, прикрывающей красоту тела!»

В судебной практике признавалось многоотцовство. Если женщина жила с несколькими мужчинами одновременно, алименты на родившегося ребёнка выплачивали все. Рожай – не хочу!

Процветала безотцовщина. До 50 % детей, родившихся до 1925 года, имели только одного родителя – мать. Было много сирот, воспитание которых легло на плечи государства, и его руководство опомнилось. Ленин, ранее приветствовавший отказ от буржуазной морали, вдруг заявил:

– Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая новая половая жизнь кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости.

Разврату, опрометчиво узаконенному властью, был дан отбой. Случилось это в год гибели Есенина.

Поэт разорвал связь со всеми своими жёнами, бегал от Дункан, скрывался от Бениславской и Толстой – с женщинами, по его признанию, ему было трудно оставаться сколь-нибудь продолжительное время. С.М. Городецкий, один из тех, кто вводил Сергея Александровича в большую литературу, говорил по поводу его отношений с женщинами:

– Этот сектор был у него из маловажных.

Есенин признавался Н. Вольпин по этому поводу: «Я с холодком».

Захар Прилепин, автор монументального труда «Есенин», пришёл к такому выводу об отношениях великого поэта с женщинами: «Влечение к женщинам у Есенина было спора-

дическим, а привычка держать дистанцию – постоянной».

Сам поэт за пять дней до своей гибели заявил писателю А.И. Тарасову-Родионову: «Нужно было удовлетворить потребность – и удовлетворял». Но, почувствовав, что такая откровенность пахнет цинизмом, дал более развёрнутый и цивилизованный ответ по затронутой теме:

– Как бы ни клялся я кому-либо в безумной любви, как бы ни уверял в том же сам себя – всё это, по существу, огромнейшая и роковая ошибка. Есть нечто, что я люблю выше всех женщин, выше любой женщины, и что я ни за какие ласки и ни за какую любовь не променяю. Это искусство. Да, искусство для меня дороже всяких друзей, и жён, и любовниц. Вся моя жизнь – это борьба за искусство. И в этой борьбе я швыряюсь всем, что обычно другие считают за самое ценное в жизни.

Поразительная целеустремлённость!

Ведь решение о принесении себя в жертву поэзии Есенин принял девятнадцатилетним ребёнком:

*Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.*

*И, заболев
Писательскою скукой,
Пошёл скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречаем,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.*

«Мой путь»

Ради чарующего слова Есенин отринул любовь, семью, отцовство. Но к женщинам его тянуло – только они могли дать ему то, что недополучил он в жизни:

*Что желать под эскадрильей ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.*

*Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне –
Не кому-нибудь –
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.*

«Листья падают, листья падают...»

Поэт жаждал ласки, хотел, чтобы его все любили, боготво-

рили и не перечили. Такими, в сущности, и были все его жёны и сожительницы, поставившие себя в положение рабынь, одалисок поэтического гарема. (О кратковременных связях Есенина и говорить не приходится.)

*Сад польшет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».
«Синий май. Заревая теплынь...»*

*Увядаящая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.*

*Чтоб все время в синих дрёмах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черёмух
Раздавалось: «Я твоя».*

«Ну, целуй меня, целуй...»

В поэте легко соединялось, казалось бы, несочетаемое. Л. Клейнборт отметил это при первой же встрече с ним:

«Мне бросились в глаза очертания его рта. Он совсем не гармонировал с общим обликом его, таким тихим и ясным. Правда, уже глаза его были лукавы, но в то же время всё

же наивны. Губы же были чувственны; за этой чувственностью пряталось что-то, чего не договаривал общий облик. Он вдруг сказал:

– Я баб люблю лучше... всякой скотины. Иной раз совсем без ума станешь. Но глупей женского сердца нет ничего».

Известно, что Есенин очень любил животных и посвятил великолепные стихи собакам, корове, лисице, волку. Для него сопоставление животного и женщины не было оскорбительно, но всё же! И в такой форме: «Лучше всякой скотины»! Мог бы подобрать и другое сравнение – не посчитал нужным, оно соответствовало его внутреннему убеждению.

Во внешнем отношении к женщинам Есенин был сдержан, с жёнами и подругами хамоват и груб до изуверства. Но... но при всём этом женщины прощали ему пьянство, измены, оскорбления, рукоприкладство, брошенных детей и много чего ещё. Мать С.А. Толстой не любила зятя, но, увидав его на смертном одре, вдруг осознала то, чего не понимала при его жизни:

– Не могу сказать, что я шла туда² с хорошим чувством. Я слишком страдала и возмущалась за дочь, но главным образом меня возмущали эти его «друзья», проливающие теперь крокодиловы слёзы, а в сущности, много повинные в его гибели и болезни. Его мне было жалко только как погибшего человека, и уже давно погибшего. Но когда я подошла к гробу и взглянула на него, то сердце моё совершенно смягчи

---

² Туда – в Дом печати.

лось, и я не могла удержать слёз. У него было чудное лицо, такое грустное, скорбное и милое, что я вдруг увидела его душу и поняла, что, несмотря на всё, в нём была хорошая, живая душа.

Песня и мечта. На закате своей короткой жизни С.А. Есенин, итожа пройденный путь, вспомнил свою первую любовь:

*В пятнадцать лет
Взлюбил я до печёнок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.*

«Мой путь»

Жениться юный поэт собирался на Анне Сардановской, племяннице отца Иоанна, священника Константиновской церкви. Вот какой видел Сергей любимую:

*С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.*

Сергей был своим в доме священника, и Марфуша, экономка отца Иоанна, докладывала его матери:

– Ох, кума, у нашей Анюты с Серёжей роман. Уж она такая проказница, ведь скрывать ничего не любит. «Пойду, говорит, замуж за Серёжку», и всё это у неё так хорошо выходит.

Они и не скрывали. Как-то прибежали в церковь и попросили монашку разнять их руки, заявив ей: «Мы любим друг друга, и пусть кто первый изменит, или женится, или выйдет замуж, того второй будет бить хворостом!»

В 1912 году Есенин окончил Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу и стал собираться к отъезду в Москву. 8 июня в Константинове отмечали престольный праздник иконы Казанской Божией Матери, на котором молодёжь села гуляла, устраивала разные игры, принимала гостей. К Анне приехала подруга Мария Бальзамова. Сергей приглянулся ей, и она предложила ему дружить. Юный поэт не возражал – Мария ему понравилась. («Эта девушка – тургеневская Лиза из “Дворянского гнезда”», – говорил Сергей позднее.)

Анне и её сестре взаимоприятие Сергея и Марии, конечно, было не по сердцу. После отъезда гости они устроили «изменнику» обструкцию. «Надо мной смеялись», – негодовал Есенин. Это над ним – молодым дарованием, о котором завтра заговорит вся Москва! Амбиции и самолюбие молодого человека, пописывающего стишки, были беспредельны. И выход из сложившейся ситуации он видел один:

– Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схва-

тило дух и почему-то пошла пена. Я был в сознании, но передо мной немного всё застлалось какою-то мутною дымкой. Потом, я сам не знаю почему, вдруг начал пить молоко, и всё прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять всё прошло, и никто ничего-ничего не узнал.

Это была первая попытка самоубийства, мысль о котором (явно или в скрытой форме) сопровождала Есенина всю жизнь. Он говорил по этому поводу:

– Поэту необходимо чаще думать о смерти, только памятуя о ней, поэт может особенно остро чувствовать жизнь.

Лирика молодого поэта была насыщена погребальными звуками:

*Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придём к тебе.*

«К покойнику»

*Но ведь я же на родине милой,
А в слезах истомил свою грудь.
Эх... лишь, видно, в холодной могиле
Я забыться могу и заснуть.*

«Слёзы»

*Нет, уж лучше тогда поскорей
Пусть я уйду до могилы,
Только там я могу, и лишь в ней,
Залечить все разбитые силы.*

«Пребывание в школе»

...Высокое чувство юного поэта не выдержало первого же испытания – любовь ушла, но не забылась: «Пусть порой мне шепчет синий вечер, / Что была ты песня и мечта...»

Стихотворение «Не бродить, не мять в кустах багряных...», откуда взяты приведённые выше строчки, было написано в 1916 году. В это время Есенин служил санитаром в Царском Селе (теперь город Пушкин). Пользуясь покровительством полковника Д.Н. Ломана, он откровенно бездельничал и, по его собственному признанию, шатался из угла в угол, мешая работать другим.

Словом, свободное время у уже признанного поэта было, и он начал переписку с Анной Сардановской. Она жила в это время в селе Дединово (ныне Луховицкого района Московской области). Писем скопилось целая пачка, сохранилось одно. В нём Сергей Александрович извиняется за своё плохое поведение при встрече с Анной в Константинове, оправдываясь влиянием города: «В тебе, пожалуй, дурной осадок остался от меня, но я, кажется, хорошо смыл с себя дурь го-

родскую. Хорошо быть плохим, когда есть кому жалеть и любить тебя, что ты плохой».

То есть ты люби меня, а я буду делать всё, что хочу, даже вопреки тебе. Это уже начало хамского отношения Есенина к женщинам. А чего вы хотите, ведь любит больше, чем скотину!

Характерно и окончание письма: «Прости, если груб был с тобой, это напускное. Вечером буду пить пиво и вспоминать тебя». Так и хочется добавить: между двумя кружками.

В 1918 году Анна вышла замуж за учителя школы в селе Дединово В.А. Олоновского. 7 апреля 1921 года она умерла при родах. Есенин, узнав об этом, был поражён кончиной двадцатипятилетней женщины. И.В. Грузинов, старый друг поэта, записал в тот день:

«Весна, Богословский переулок, дом 3.

Есенин расстроен. Усталый, пожелтевший, растрёпанный. Ходит по комнате взад и вперёд. Переходит из одной комнаты в другую. Наконец садится за стол в углу комнаты:

– У меня была настоящая любовь. К простой женщине. В деревне. Я приезжал к ней. Приходил тайно. Всё рассказывал ей. Я давно люблю её. Горько мне. Жалко. Она умерла. Никого я так не любил. Больше я никого не люблю».

Свидетельство Грузинова требует некоторого уточнения. Юноша Есенин любил девушку, а не женщину. К замужней Анне он ездить не мог – сельская учительница не могла рисковать своей репутацией, и никаких данных об этом нет. К тому же и любви между ними давно уже не было. Константиновская Марфуша докладывала матери поэта:

– Потеха, кума! Увиделись они, Серёжа говорит ей: «Ты что же замуж вышла? А говорила, что не пойдёшь, пока я не

женюсь». Умора, целый вечер они трунили друг над другом.

Подтрунивали над собой Сергей и Анна летом 1918 года. К этому времени Есенин не только дважды женился, но и имел двоих детей – сына Юрия, трёх с половиной лет, и дочь Таню, только-только родившуюся.

Конечно, поэт был человеком эмоциональным, с тонкой психикой. Известие об уходе Анны в мир иной сильно расстроило его. Ведь она была не только его первой любовью, но и воспоминанием о юности, светлой и чистой. Песня и мечта уже давно были в прошлом. У дверей квартиры № 27 в Богословском переулке, 3, стояли реальные Екатерина Эйгес, Надежда Вольпин и Галина Бениславская. А где-то за ними просматривалась фигура неподражаемой американской босоножки Айседоры Дункан. Когда тут горевать о простой русской женщине!

Роман в письмах. В июле 1912 года шестнадцатилетний Есенин приехал в Москву. Первое время жил с отцом в Большом Строченовском переулке, 24. Александр Никитич пристроил сына в контору мясной лавки Н.В. Крылова. «Но такая работа, – рассказывал позднее Есенин, – мне очень не понравилась, самый запах сырого мяса был противен».

С. Есенин, 1914 г.

Окружение ни в конторе, ни по месту жительства ничего не могло дать юноше с высокими потребностями и тонкой, легко ранимой психикой. Свою неудовлетворённость бытием Сергей изливал в письмах единственному другу: «Доро-

гой Гриша! Ты тоже страдаешь духом, не к кому тебе приютиться и не с кем разделить наплывшие чувства души; глядишь на жизнь и думаешь: живёшь или нет? Уж очень она протекает однообразно. Ну, ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. “Живу ли я, или жил ли я?” – такие задаю себе вопросы, после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться».

Кроме окружения, юношу не устраивали и отношения с хозяйкой, женой Крылова, которая требовала, чтобы при её появлении все работники вставали. Отец пробовал увещать его:

– Ты что же творишь, сынок?

– А я поэт, – отвечал Сергей, – вставать не буду и вообще – ухажу, чтобы стать знаменитым.

Александр Никитич пытался вразумить упрянца:

– Сын, и я читал и Пушкина, и Лермонтова, и Толстого. Знаешь, в чём правда? Они помещиками были, и на каждого работало по триста человек. А на тебя кто будет работать? Ты же с голода умрёшь.

Не умер. Устроился в книгоиздательство «Культура», а после его закрытия в типографию товарищества И.Д. Сытина. В свободное время Есенин бегал по редакциям газет и журналов – стихи не брали. Но он был активен и искал ав-

торитеты, которые могли бы подтвердить незаурядность его таланта. Так ему удалось встретиться с известным литературоведом и историком русской поэзии XIX столетия профессором П.Н. Сакулиным. Павел Никитич дал самый положительный отзыв о творениях молодого поэта, особенно выделив следующее:

*Выткался на озере алый свет зари,
На бору со звонами плачут глухари*

*Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.*

*Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.*

*Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.*

*Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.*

*И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска весёлая в алостях зари.*

Профессор был удивлён, что это весьма зрелое стихотворение Есенин написал в пятнадцать лет; одобрил и другие опыты юноши. Расстались довольные друг другом. По свиде-

тельству Николая Сардановского, товарища Сергея по Константинову, «он с восторгом рассказывал свои впечатления о разговоре с профессором».

За год с небольшим безвестный крестьянский паренёк получил признание в литературной среде старой столицы. Казалось бы, чего уж лучше – живи да радуйся. Так нет – в начале апреля произошла ссора с отцом, и Сергей сообщил Г. Панфилову:

«Дорогой Гриша!

Извини, что так долго не отвечал. Был болен, и с отцом шла неприятность. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи. Ну что ж! Я отвоевал свою свободу. Теперь на квартиру к нему хожу редко. Он мне сказал, что у них “мне нечего делать”.

Пишу письмо, а руки дрожат от волнения. Ещё никогда я не испытывал таких угнетающих мук.

*Грустно, душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.*

Жизнь... Я не могу понять её назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно».

Закончил Есенин это письмо строфой из поэмы...

«Смерть», над которой работал в апрельские дни, перед Пасхой.

Здесь, по-видимому, надо обратить внимание читателя на категорическое заявление Есенина «Я один». Действительно, первый друг Сергея Николай Сардановский остался в прошлом. Второй – Гриша Панфилов – был далеко. Отец фактически отказался от сына, а мать Сергей узнал где-то к восьми годам. Татьяна Фёдоровна ушла из семьи вскоре после рождения сына, а когда вернулась, вымещала свои горести на Сергее и его сестре Кате. То есть мальчик рос в неблагополучной семье, что сказалось и на его характере, и на его психике. После ссоры с отцом он говорил:

– Мать нравственно для меня умерла уже давно, а отец, я знаю, находится при смерти.

Духовное одиночество неординарной (но ещё незрелой) личности – это тоска и постоянные терзания. Своими душевными муками Сергей попытался поделить кое с кем из коллег по работе, но понимания не нашёл. «Меня считают сумасшедшим, – писал он 23 апреля Грише Панфилову, – и уже хотели везти к психиатру, но я послал всех к сатане и живу, хотя некоторые опасаются моего приближения. Ты понимаешь, как это тяжело, однако приходится мириться с этим...»

Что же хотел поведать людям будущий гений? Читайте:

«Все люди – одна душа. В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение.

Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути злове-

щие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны. Жизнь в обратной колее. Счастье – удел несчастных, несчастье – удел счастливых. Ничья душа не может не чувствовать своих страданий, а мои муки – твоя печаль, твоя печаль – мои терзания. Я, страдая, могу радоваться твоей жизнью, которая протекает в довольстве и наслаждении в истине. Вот она, жизнь, а её назначение Истина...» Словом, возлюби ближнего, как самого себя.

* * *

Почти сразу после устройства в Москве Есенин поспешил оповестить о себе Марию Бальзамову. «Тяжёлая, безнадежная грусть! Я не знаю, что делать с собой. Подавить все чувства? Убить тоску в распутном веселии? Что-либо сделать с собой такое неприятное? Или – жить, или – не жить? И я в отчаянии ломаю руки, что делать? Как жить? Не фальшивы ли во мне чувства, можно ли их огонь погасить? И так становится больно-больно, что даже можно рискнуть на существование на земле и так презрительно сказать самому себе: зачем тебе жить, ненужный, слабый и слепой червяк? Что твоя жизнь?»

Тяготы бытия станут основной темой в московской корреспонденции поэта. 18 августа об этом же он писал Грише Панфилову, но при этом помянул и о нечто светлом для него – Марии Бальзамовой, девушке, близкой героиням Тургенева «по своей душе и по всем качествам». «Я простился с ней, – писал молодой поэт, – знаю, что навсегда, но она не изгладится из моей памяти...»

Но в следующем письме, отправленном Грише через неделю, Есенин вдруг заявил о нечто противоположном – о намерении установления контактов с Марией: «Желаешь если, я познакомлю вас письмами с М. Бальзамовой. Она очень желает с тобой познакомиться, а при крайней нужде хоть в письмах. Она хочет идти в учительницы с полным сознанием на пользу забитого и от света гонимого народа».

Действительно, Мария, окончив епархиальное училище, с сентября начала работать в школе села Калитинка Рязанской губернии. Первое время ей было не до любовных изъяснений, и связь с Сергеем она установила только к окончанию учебного года: «Думаешь ли ты опять в Калитинку на зимовку?» – спрашивал её Есенин в одном из своих первых писем.

В нём же он писал о необходимости их встречи, так как их знакомство было мимолётным, они, по существу, не знают друг друга, и он не уверен в прочности её чувства: «Я боюсь только одного: как бы тебя не выдали замуж. Пригля-

нешься кому-нибудь, и сама... не прочь – и согласишься. Но я только предполагаю, а ещё хорошо-то не знаю. Ведь, Маня, милая Маня, слишком мало мы видели друг друга. Почему ты не открылась мне тогда, когда плакала? Ведь я был такой чистый тогда, что и не подозревал в тебе этого чувства, я думал, так ты ко мне относилась из жалости, потому что хорошо поняла меня. И опять, опять: между нами не было даже, – как символа любви, – поцелуя, не говоря уже о далёких, глубоких и близких отношениях, которые нарушают заветы целомудрия, и от чего любовь обоих сердец чувствует больше и сильнее».

Письмо насыщено сетованиями на судьбу и бьёт на жалость, откровенно взывает к ней: «Ох, как тяжело, Маня! Слишком больно!

Я слышал, ты совсем стала выглядеть женщиной, а я пред тобою мальчик. Да и совсем невзрачный».

В конце письма Есенин упомянул о своей последней работе и тоже в уничижительном для себя антураже: «Пишу поэму “Тоска”, где вывожу под героем самого себя и нещадно критикую и осмеиваю. Что же делать, – такой я несчастный, что и сам себя презираю. Только тебя я не могу понять: смешно, право, за что ты меня любишь? Заслужил ли? Ведь это было как мимолетное виденье».

В письме от 1 июня 1913 года Есенин выступает радетелем за бедный русский народ. Поводом к этому послужил

рассказ Бальзамовой о краже в их селе коровы и осуждение кражи местным священником. По мнению молодого поэта, это ерунда по сравнению с тем, в какое положение поставлен народ, и он спрашивал «любимую»: «Почему у вас не возникают мысли, что настанет день, когда он (народ. – П. Н.) заплатит вам³ за все свои унижения и оскорбления? Зачем вы его не поддерживаете – для того, чтобы он не сделал чего плохого благодаря своему безвыходному положению? Зачем же вы на его мрачное чело налагаете клеймо позора? Ведь оно принадлежит вам, и через ваше холодное равнодушие совершают подобные поступки».

Конечно, все вопросы были риторическими, и свою филиппику Сергей заключил примирительной фразой: «Конечно, милая Мария, я тебя ругаю, но и прощаю всё по твоей наивности».

Продолжительная связь с девушкой (хоть и платоническая) уже надоедает Есенину, и он с раздражением спрашивал в письме: «Зачем ты мне задаёшь всё тот же вопрос?» Но на известные вопросы так реагируют только в одном случае: когда не хотят их слышать. Понимая это, адресат Марии поправился: «Ну конечно, конечно, – люблю безмерно тебя, моя дорогая Маня. Я тоже готов бы к тебе улететь, да жаль, что все крылья в настоящее время подломаны».

Надломаны сейчас, а как в будущем, желательно ближай-

---

³ Вам – интеллигенции, к которой относилась Бальзамова, будучи учительницей.

шем? О, поэт ждёт его, надеется на лучшее: «Наступит же когда-нибудь время, когда я заключу тебя в свои горячие объятия и разделю с тобой всю свою душу. Ах, как будет мне хорошо забыть все свои волнения у твоей груди».

И тут же сомнения. Или намёк? Не обольщайся, мол, пустыми надеждами: «А может быть, все это мне не суждено! И я должен влачить те же суровые цепи земли, как и другие поэты. Наверное, прощай сладкие надежды утешенья, моя суровая жизнь не должна испытать этого».

Словом, успокоил, взбодрил «любимую».

Отправив Марии столь двусмысленное по содержанию письмо, Есенин решил, что она всё поймёт правильно и больше надоедать ему не будет. Своими дипломатическими способностями поспешил поделиться с Гришей: «Письмами её я славно истопил бы печку, но чёрт намекнул меня бросить их в клозет. Бумага, весом около пуда, всё засорила, пришлось вызвать водопроводчика».

Но девушка, обеспокоенная состоянием любимого (его выговор ей, его ни «да», ни «нет» на её прямые вопросы), ответила молниеносно. Это был бальзам на душу, но пришлось оправдываться. Об уничтоженных письмах Сергей выдал, конечно, другую версию, чем Грише:

«Я подумал, что я тебе причиняю боль, а потому ты со мной не желаешь иметь ничего общего. С тяжёлой болью я перенёс свои волнения. Мне было горько и обидно ждать это от тебя. Ведь ты говорила, что никогда меня не бросишь. Ты

во всём виновна, Маня. Я обиделся на тебя и сделал великую для себя рану. Я разорвал все твои письма, чтобы они более никогда не терзали мою душу».

И в этом, конечно, виновата она, Мария: «Но виновата ты. Я не защищаю себя, но всё же, ты, ты виновная». (В этом весь Есенин: никогда никакой вины за собой он не признаёт – он всегда прав, потому что – гений⁴.)

Виновна, но тем не менее: «Надеюсь, что ты мне всё простишь, и мы снова будем жить по-прежнему, и даже лучше. Глубоко любящий тебя С. Есенин».

Конечно, Мария простила (и впредь Есенина будут прощать все женщины без исключения). Ободрённый поэт в следующем письме (от 20.06.13) уже не стонал, а заговорил о литературе. Сообщил об окончании драмы:

*«Пророк» мой кончен, слава Богу,
Мне надоело уж писать.
Теперь я буду понемногу
Свои ошибки разбирать.*

Как бы между прочим спрашивал Марию, не читала ли она в журнале «Русское слово» статьи Яблоновского:

«Я с ним говорил по телефону относительно себя, он просил прислать ему все мои вещи. У меня теперь много.

Теперь у меня есть ещё новый друг, некто Исая Павлов,

---

⁴ В переписке с Бальзамовой Есенин помалкивал о своей гениальности, но с Гришей Панфиловым вопрос этот уже обсуждал.

по убеждениям сходен с нами (с Панфиловым и мною), последователь и ярый поклонник Толстого, тоже вегетарианец. Он увлекается моими твореньями, заучивает их наизусть, поправляет по своему взгляду и наконец отнёс Яблоновскому. Вот я теперь жду, что мне скажут».

И в заключение: «Стихотворение тебе я уже давно написал, но как-то написать в письме было неохота. Но пересилил себя, накропал:

*Ты плакала в вечерней тишине,
И слёзы горькие на землю упали,
И было тяжело и так печально мне,
И всё же мы друг друга не поняли.*

*Умчалась ты в далёкие края,
И все мечты мои увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.*

*И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья».*

В июле 1913 года исполнился год пребывания Есенина в старой столице. За это время он вошёл в жизнь большого города, поучаствовал в рабочем движении, был благожелательно принят в писательскую среду (Суриковский литера-

турный кружок), его стихи положительно оценили поэт И. Белоусов и историк русской поэзии XIX столетия П.Н. Сакулин. А М. Бальзамова всё представляла его таким, каким увидела на гулянье в Константинове. Поэтому Сергей не без основания писал ей:

«Читаю твоё письмо и, право, удивляюсь. Где же у тебя бывают мысли в то время, когда ты пишешь? Или витают под облаками? То ты пишешь, что не можешь дать своей фотографии, потому что вряд ли мы увидимся, то ссылаешься на то, что надо продолжить.

Ты называешь меня ребёнком, но, увы, я уже не такой ребёнок, как ты думаешь, меня жизнь достаточно пощёлкала, особенно за этот год.

Я был сплошная идея. Теперь же и половину не осталось того. И это произошло со мной не потому, что я молод и колеблюсь под чужими взглядами, но нет, я встретил на пути жестокие преграды, и, к сожалению, меня окружали все подлые людишки. Я не доверяюсь ничьему авторитету, я шёл по собственному расписанию жизни, но назначенные уроки терпели крах. Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только ещё сомнения в ничтожестве человеческой жизни [...] Я положительно от себя отказался, и если кому-нибудь нужна моя жизнь, то пожалуйста, готов к услугам, но только с пре-

дупреждением: она не из завидных».

Эта самохарактеристика Есенина, конечно, не обрадовала Марию, так как показала, что она совершенно не знает поэта как человека. Не понравился ей и менторский тон в назиданиях любимого: по существу, они носили уничижительный характер:

«На курсы я тебе советую поступить, здесь ты узнаешь, какие нужно носить чулки, чтоб нравиться мужчинам, и как строить глазки и кокетливо подводить их под орбиты. Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах твоя душа) сойтись с любым студентом и составишь себе прекрасную партию, и будешь жить ты припеваючи. Пойдут дети, вырастят какого-нибудь подлеца и будете радоваться, какие получает он большие деньги, которые стоят жизни бедняков. Вот всё, что я могу тебе сказать о твоих планах.

Верно, Маня, мало в тебе соков, из которых можно было бы выжать кой-что полезное, а это я говорю на основании твоих слов: “Танцы – душа моя!” Бедная, душу-то ты схоронила в ноги!»

Не зная автора письма, подумаешь, что это писал какой-то аскет, требующий от юного создания самоотречения, отказа от маленьких радостей жизни. Нет, не отринул ещё молодой поэт идеализм, о котором помянул в начале своей эпистолы.

А как вам, читатель, вот это заявление «любимой»:

«Любить безумно я никогда ещё не любил, хотя влюбился

бы уже давно, но ты всё-таки стоишь у дверей моего сердца. Но, откровенно говоря, эта вся наша переписка – игра, в которой лежат догадки, – да стоит ли она свеч?

Любящий С.»

У дверей его сердца! Но всё-таки любит! А впрочем – какая любовь – виделись всего один раз, и сам признался, что никогда не любил, правда, «безумно». Но это хорошо – ведь надо жить, а как это возможно без ума? Словом, девушке на пороге семнадцатой весны было о чём задуматься. А Есенину в сентябре исполнилось восемнадцать лет; он считал себя уже вполне созревшим физически и нравственно, а потому продолжил поучать и «просвещать» Марию:

«Жизнь – это глупая шутка. Всё в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущённый хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений. Но есть среди них в светлом облике непорочные, чистые, как бледные огни догорающего заката. Лучи солнышка влюбились в зелёную ткань земли и во всё её существо и бесстыдно, незаметно прелюбодействуют с нею.

Люди нашли идеалом красоту и нагло стоят перед оголённой женщиной, и щупают её жирное тело, и разражаются похотью. И эта-то игра чувств, чувств постыдных, мерзких и гадких, названа у них любовью. Так вот она, любовь! Вот чего ждут люди с трепетным замиранием сердца. “Наслаждения, наслаждения!” – кричит их бесстыдный, заражённый

одуряющим запахом тела в бессмысленном и слепом заблуждении, дух. Люди все – эгоисты. Все и каждый только любит себя и желает, чтобы всё перед ним преклонялось и доставляло ему то животное чувство – наслаждение».

Есть, конечно, и вполне достойные люди, полагал поэт, но это капля в море античеловечности. «Дух их тоскует и рвётся к какому-то неведомому миру, и они умирают не перед раскрытыми вопросами отвратительной жизни, – увядают эти белые чистые цветы среди кровавого болота, покрытого всею чернотой и отбросами жизни».

Мария, с её опытом жизни среди простых крестьян села Калитинка, никаких кровавых болот не видела, никакого разврата не знала и не понимала, какой неведомый мир нужен любимому, что он так угнетает и терзает его душу. А тот всё сгущал чёрные краски:

«К чему же жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. Я один, и никого нет на свете, который бы пошёл мне навстречу такой же тоскующей душой. Будь это мужчина или женщина, я всё равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошёл бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы – жизни, как чистые хрустальные волны моря.

Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится ещё, – я убью себя».

Такая жизненная перспектива, конечно, не могла понравиться девушке, желавшей иметь хозяина-мужа, здоровых детей и простые радости жизни. А что дал ей поэт почти за полтора года заочного общения? Сплошные жалобы и страдания, никакого будущего, и не понять: любит её или не любит? Всё неопределённо и хаотично: начинает за здоровье, кончает за упокой: «Я знаю, ты любишь меня, но подвернись к тебе сейчас красивый, здоровый и румяный с вьющимися волосами другой – крепкий по сложению и обаятельный по нежности, и ты забудешь весь мир от одного его прикосновения, а меня и подавно...»

Поплакав и подумав, Мария решила больше не отвечать человеку, которого не могла понять. А любовь? Да, любила и ещё любит, но не сегодняшнего резонёра, а того юношу, почти мальчика, который запечатлелся в её сознании по той далёкой встрече в Константинове.

Не получив ответа на своё последнее письмо, Сергей взбеленился и слал Бальзамовой свои цидули одну за другой. Но Мария не отвечала. Тогда Есенин написал её отцу, диакону сельской церкви. Тот с недоумением читал: «Вероятно, я не стою вашего внимания... Успокойтесь, прощайте!»

Растревоженный диакон потребовал от дочери объяснений. Узнав, что отношения молодёжи ограничивались перепиской, успокоился, но спросил:

– Он не кинется с моста?

Будто предвидел судьбу поэта.

...В 1913 году Есенин закончил несостоявшийся роман примирительным письмом к Марии, девушке тургеневского типа: «Если ты уже любишь другого, я не буду тебе мешать, но я глубоко счастлив за тебя. Дозволь тогда мне быть хоть твоим другом... Сейчас я не знаю, куда преклонить голову; Панфилов, светоч моей жизни, умирает от чахотки».

Хорошее письмо, но всё же Сергей Александрович немножко лукавил: на девятнадцатой странице его жизни появилась третья женщина.

Смиренная Анна. С конца 1913 года Есенин начал слушать в Народном университете имени Шанявского лекции по истории литературы. Посещение занятий было свободным. Историк А. Кизеветтер вспоминал: «Я видел там сидящими рядом офицера Генерального штаба и вагонновожатого городского трамвая, университетского приват-доцента и приказчика от Мюра и Мерилиза, даму с пушистым боа на шее и монаха в затрапезной рясе».

В университете Есенин познакомился с Анной Изрядновой, большеглазой, умной и очень доброй девушкой. Но красотой она не блистала и была на четыре года старше Есенина. Поэт страдал ласки, и он её получил от этой тихой и безропотной представительницы слабого пола.

Вся семья Изрядновых была связана с типографией Сытина. Роман Изряднов, глава семьи, работал рисовальщиком

(он окончил Строгановское художественное училище). Анна и Надежда, его дочери, служили корректорами. Серафима, третья дочь Изряднова, числилась при конторе типографии. Есенин был помощником (подчитчиком) двух первых сестёр.

Супруг Нади много читал и хорошо разбирался в поэзии. Есенин спорил с ним о Блоке и Бальмонте. Анна разбиралась в поэзии не хуже Сергея, в разговоры мужчин не вмешивалась, но не без умысла подарила Есенину сборник Н. Клюева «Сосен перезвон». Об этом, вроде бы незначительном, факте Захар Прилепин пишет: «Она сделала выбор наиточнейший – Клюев открыл молодому поэту современную ему литературу».

Анна буквально лелеяла Сергея и говорила о нём: «Он был такой чистый, светлый, у него была такая нетронутая, хорошая душа – он весь светился». Это была первая женщина, воспринявшая не только внешность поэта. Есенин предстал перед ней в образе ангела небесного:

– Он только что приехал из деревни, но по внешнему виду на деревенского парня похож не был. На нём был коричневый костюм, высокий накрахмаленный воротник и зелёный галстук. С золотыми кудрями он был кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом.

Это по первому, а по второму и третьему?

– Был очень заносчив, самолюбив, его невзлюбили за это. Настроение было у него угнетённое: он поэт, а никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать.

Анна была ласковой девушкой. В херувима влюбилась с первого взгляда и буквально смотрела ему в рот.

Она принесла Есенину удачу: в январе 1914 года в журнале «Мирок» под псевдонимом «Аристон» было опубликовано его первое стихотворение «Берёза»:

*Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебр ом.*

*На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

В следующих номерах журнала «Мирок» были напечатаны стихотворения «Пороша», «Село», «Колокол дремавший...», «С добрым утром» и «Сиротка». Были публикации в журналах «Доброе утро» и «Проталина», в газетах «Новь» и «Путь правды». Последняя издавалась в Петербурге. В разделе «Движение рабочих» 15 мая было напечатано стихотворение «Кузнец»:

*Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!*

*Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за чёрной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.*

На 1914 год выпали большие изменения в личной жизни Есенина. В феврале умер его единственный друг Гриша Панфилов. В марте Сергей вступил в гражданский брак с Анной Изрядновой.

В недолгий период ухаживания за Анной Есенин часто бывал в доме 20 по Тёплому переулку (теперь это улица Знаменка), в котором жила семья Изрядновых: три девицы и их родители. После бракосочетания Сергей и Анна поселились в доме 3, квартира 12, по 2-му Павловскому переулку. «Живём вместе около Серпуховской заставы, – писала Изряднова. – Работа отнимает очень много времени: с восьми утра до семи вечера, некогда стихи писать».

Стихи писал, конечно, супруг, а Анна хлопотала по дому – помощи от Сергея не было. «Ко мне он очень привязался, читал стихи. Требователен был ужасно, не велел даже с женщинами разговаривать – они нехорошие. Посещали мы с ним университет Шанявского. Всё свободное время читал, жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думая,

как жить».

С половины весны до осени Есенин не работал, тем не менее в июне заявил:

– Москва неприветливая – поедem в Крым.

И поехал – один. За две недели прожилcя и стал бомбардировать бедную женщину требованиями денег. Что делать? «Пошла к его отцу просить, чтобы выручил его. Отец не замедлил послать ему денег, и Сергей через несколько дней в Москве. Опять безденежье, без работы. Живёт у товарищей».

Университет Шанявского

Почему у товарищей? За три месяца семейной жизни супруга «приелась». Этот срок стал роковым для совместного проживания с женщиной. Дальше он только уменьшался, но Есенин пока об этом не знал.

Жили молодые на зарплату Анны и скромные гонорары Сергея (15 копеек за строчку – не разгуляешься). В сентябре

Анна объявила, что беременна. Пришлось устраиваться на работу. Поступил корректором в типографию торгового дома «Чернышёв Д. и Кобельков Н.».

Она находилась в Банковском переулке, 10 (район Мясницкой). Но там не задержался, с рождением сына уволился. Изряднова вспоминала:

– Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоём). Нужно было меня отправить в больницу, заботиться о квартире. Когда я вернулась домой, у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи истоплены, и даже обед готов и куплено пирожное, ждал. На ребёнка смотрел с любопытством, всё твердил: «Вот я и отец». Потом скоро привык, полюбил его, качал, убаюкивая, пел над ним песни.

1915 год начался для Есенина довольно удачно: во втором номере журнала «Млечный Путь» появилось его стихотворение «Зашумели над затоном тростники...», а в третьем – «Выткался на озере алый свет зари...». Позднее они были признаны лучшими из всего напечатанного поэтом в ранний московский период его творчества.

Редактором-издателем журнала «Млечный Путь» был Алексей Михайлович Чернышёв, приказчик торгового дома «А. Колесников». В его квартире и размещалась редакция: Садовническая, 9 (ныне улица Осипенко). В журнале охотно печатали произведения молодых авторов, особенно стихи. В редакции устраивались «субботы», на которые приходили писатели, художники и артисты. Читали стихи и рас-

сказы, обменивались мнениями, говорили о новых книгах. В один из вечеров читал стихи Есенин.

«Читал тихо, просто, задушевно, – вспоминал литератор (а тогда студент) Н.Н. Ливкин. – Кончив читать, он выжидающе посматривал. Все молчали.

– Это будет большой, настоящий поэт! – воскликнул я. – Больше всех нас, здесь присутствующих.

Есенин благодарно взглянул на меня».

Самой жгучей темой тогдашней журнальной литературы была война с Германией. Ни один печатный орган не обходился без стихов о русской армии и русских ратниках. 23 ноября 1914 года в газете «Новь»⁵ было напечатано стихотворение Есенина «Богатырский посвист». 22 февраля следующего года в журнале «Женская жизнь» появилась статья «Ярославны плачут», в ней Есенин показал отношение поэтесс к грозным событиям. Русских Сафо он разделил на две группы – на два лагеря: «В каждом лагере свои взгляды на ушедших. Но нам одинаково нужны Жанны д'Арк и Ярославны. Как те прекрасны со своим знаменем, так и эти со своими слезами».

Есенин продолжал посещать занятия в Народном университете имени Шанявского. Там он познакомился с поэтами Н.И. Колоколовым, В.Ф. Наседкиным, И.Г. Филипченко и Д.Н. Семёновским. Последний писал о первой встрече с Сер-

---

⁵ Редакция газеты находилась в Мамоновском переулке (с 1939 по 1993 год – переулок Садовских).

геем:

«На одной из вечерних лекций я очутился рядом с милым пареньком в сером костюме. Он весь светился юностью, светились его синие глаза, светились пышные волосы, золотистыми завитками спускавшиеся на лоб.

Лекция кончилась. Не помню, кто из нас заговорил первый, но только через минуту мы разговаривали как старые знакомые. Держался он скромно и просто. Доверчивая улыбка усиливала привлекательность его лица. Среди разговора о стихах Есенин сказал:

– Я теперь окончательно решил, что буду писать только о деревенской Руси».

На одном из заседаний Суриковского кружка присутствовали писатели из Петрограда. Послушав Есенина, они посоветовали ему перебраться в столицу, и Сергей загорелся этой идеей. Семёновский не раз был свидетелем разговоров об этом, о последнем поведал Н.Н. Ливкин:

«Однажды, поздно вечером, мы шли втроём – я, поэт Николай Колоколов и Есенин – после очередной “субботы”. Есенин возбуждённо говорил:

– Нет! Здесь в Москве ничего не добьёшься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письма со стихами возвращают. Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежащий камень вода не течёт. Славу надо брать за рога.

Мы шли из Садовников, где помещалась редакция⁶, по

---

⁶ Редакция журнала «Млечный Путь».

Пятницкой. Говорил один Сергей:

– Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймёт...

Мы расстались. А на следующий день он уехал».

Уехал Сергей 8 марта 1915 года, оставив (и как оказалось, навсегда) жену и сына. Внешне он всё ещё выглядел херувимчиком, но внутри у него что-то обломилось. Вот его откровения, высказанные М. Бальзамовой:

«Моё я – это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу чёрту, и всё за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека – у меня.

Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек. Это ещё не эпитафия.

1. Таланта у меня нет, я только бегал за ним.

2. Сейчас я вижу, что до высоты мне трудно добраться, подлостей у меня не хватает, хотя я в выборе их не стесняюсь. Значит, я ещё больше мерзкий человек. И если Вы скажете: “Подлец” – для меня это лучшая награда. Вы скажете истину.

Да! Вот каков я хлюст! Но ведь много и не досказано, но пока оставим. Без досказа...»

Да, в северную столицу России ехал не просто хорошенький мальчик, а боец, внутренне отринувший все цивилизационные установления (вера, семья, брак, дети...) ради во-

площения в реальность задатков своего творческого гения.

* * *

В самохарактеристике девятнадцатилетнего поэта, к сожалению, много верного, что наглядно демонстрирует его отношение к первой жене и к первому сыну. С 1923 по 1946 год Изряднова жила в доме 44, квартира 14, в переулке Сивцев Вражек. Она занимала одну из пяти комнат в коммуналке. Есенин был в ней только раз – в октябре 1925 года. Пришёл, чтобы сжечь ворох бумаг. Попутно дал указание в отношении сына Юрия, которому было десять лет, – не баловать.

Сам не баловал. В голодные годы Гражданской войны подкармливал любовницу (Эйгес), но ни разу не вспомнил о брошенной им беззащитной паре – жене и ребёнке. Словом, по его же выражению, был тот ещё хлюст.

Кстати, о бумагах. Изряднова попыталась отговорить бывшего супруга от их уничтожения, но её уговоры не помогли. Есенин разволновался и с упрёком бросил:

– Неужели даже ты не сделаешь для меня то, что я хочу?

Конечно, сделала. Видя, что любимый чем-то озабочен, спросила, что случилось.

– Смываюсь, – ответил Сергей Александрович, – уезжаю, чувствую себя плохо, наверно, умру.

Был октябрь 1925 года.

Анна Романовна мужественно перенесла все трудности тогдашнего бытия и всю жизнь боготворила своего гражданского мужа.

Т. Есенина (дочь поэта от Зинаиды Райх) говорила о ней: – Анна Романовна принадлежала к числу женщин, на чьей самоотверженности держится белый свет. Глядя на неё, простую и скромную, вечно погружённую в житейские заботы, можно было обмануться и не заметить, что она была в высокой степени наделена чувством юмора, обладала литературным вкусом, была начитанна. Всё связанное с Есениным было для неё свято, его поступков она не обсуждала и не осуждала. Долг окружающих по отношению к нему был ей совершенно ясен – оберегать. И вот – не уберегли. Сама работающая, она уважала в нём труженика: кому, как не ей, было видно, какой путь он прошёл всего за десять лет, как сам менял себя внешне и внутренне, сколько вбирал в себя – за день больше, чем иной за неделю или за месяц.

Изряднова вырастила сына в уважении к отцу, подружила его с детьми поэта от второй жены, что было непросто для рядовой труженицы. (После развода с Есениным Райх вышла замуж за выдающегося режиссёра Вс. Э. Мейерхольда.) Константин Есенин, сын поэта и З. Райх, с благодарностью вспоминал о первой супруге отца:

«Удивительной чистоты была женщина. Удивительной скромности. После того, как я остался один⁷, Анна Романов-

---

⁷ Мейерхольд был арестован, а Райх убита.

на приняла в моей судьбе большое участие.

В довоенном 1940-м и 1941 годах она всячески помогала мне – подкармливала меня в трудные студенческие времена. А позднее, когда я был на фронте, неоднократно присылала посылки с папиросами, табаком и тёплыми вещами».

Интересна история с коробкой папирос С.А. Есенина, переданная Константином потомкам:

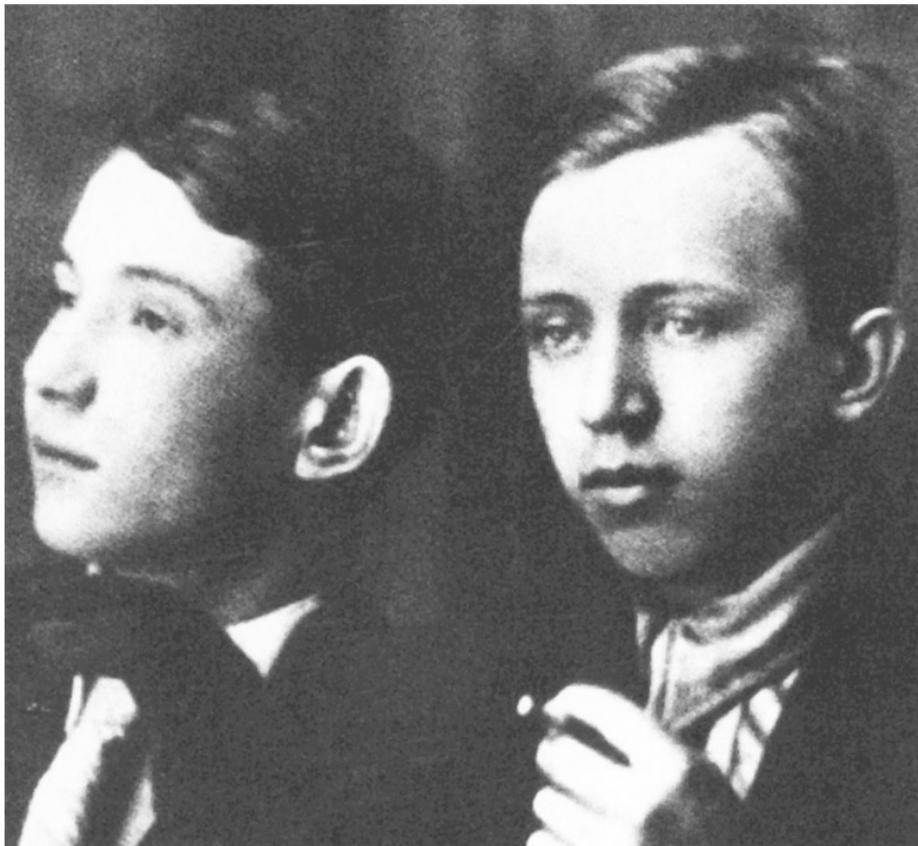
«В тот день, что и к нам⁸, Сергей Александрович пришёл к Анне Романовне, чтобы проститься с Юрой. Он оставил на столе коробку папирос. Курил он “Сафо”. Были такие папиросы высшего сорта, с женщиной в тунике⁹ на коробке. В коробке оставалось, как говорила Анна Романовна, несколько папирос. Их выкурил Юра. А одну оставил на память. Коробка была семейной реликвией.

В 1941 году, в ноябре, в тяжёлые для Москвы дни, я пошёл добровольцем в Красную Армию. Отправка задерживалась, и несколько дней я всё ходил по опустевшему городу – прощался с ним. А потом у Анны Романовны рассматривал разные отцовские реликвии. Вынули и коробку “Сафо”. Ей тогда уже было... шестнадцать лет. Папироса засохла, и табак начинал высыпаться. По торжественности случая я выкурил в этот день, пятого декабря 1941 года, последнюю папиросу отца».

---

⁸ 23 декабря 1925 года, перед отъездом в Ленинград.

⁹ *Туника* – у древних римлян белая одежда, которую носили под тогой.

Константин Есенин и Юрий Изряднов

Вспоминал Константин Сергеевич брата и по другому случаю: «В феврале 1937 года на шумной вечеринке мы простились с Юрой, который уходил в армию (я очень дружил с ним)».

Служба Юры продолжалась недолго: уже в апреле он был арестован. Обвинительное заключение по его делу гласило:

1. Распространял на протяжении ряда лет¹⁰ контрреволюционную клевету против партии и Советского правительства.

2. Обсуждал вопрос о совершении террористического акта против руководства партии и правительства.

3. Обсуждал вопросы о переходе границы Советского Союза с целью невозвращения в СССР, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 19-58 п. 8 и 11 УК РСФСР.

Это была расстрельная статья Уголовного кодекса. Но Анна Романовна не знала о гибели Юры и до конца своих дней (1946) носила ему передачи на Лубянку. Трудно представить кошмар одинокого доживания этой ещё не старой женщины (умерла в 55 лет).

Соприкосновение с гением исковеркало всю жизнь рядовой русской женщины. Но, по уверениям биографов её мужа, Изряднова не жалела об этом и жила воспоминаниями о мгновениях счастья, осветивших горячим светом все последующие годы её нелёгкого бытия.

Признание. 9 марта 1915 года Есенин был уже в столице. Прямо с вокзала пошёл к А.А. Блоку (его адрес узнал в первом же встретившемся на его пути книжном магазине). Двери ему открыл сам Александр Александрович.

– Когда я смотрел на Блока, – вспоминал Есенин, – с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта.

«Как в первый раз? – спросит читатель. – А Суриковский

---

¹⁰ То есть со школьной скамьи!

кружок из кого состоял – из половых или, может быть, трупов?» Увы, вчерашние коллеги по кружку не соответствовали высоким идеалам молодого поэта (к концу его жизни это были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь).

Блоку Есенин понравился. В дневнике он отметил: «Крестьянин Рязанской губернии. 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные».

Александр Александрович дал «крестьянину» Есенину рекомендации к нужным людям и совет быть осторожным в новом для него мире:

– За каждый шаг свой рано или поздно придётся дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Я всё это не для прописи вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унёс и чтобы болото не затянуло.

Первым Сергей Александрович посетил С.М. Городецкого, имевшего большие литературные связи. Сергей Митрофанович радушно принял посланца короля поэтов.

– Стихи, – вспоминал он, – Сергей принёс завязанными в платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи. Но не меньше, чем прочесть стихи, он торопился спеть рязанские «прибаски, канавушки и страдания»... Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарователен со своим звонким озорным голосом, с барашком выющихся

льняных волос, синеглазый.

Городецкий оставил Есенина у себя, и тот некоторое время пользовался гостеприимством нового друга.

Следующий визит Сергей Александрович нанёс издательскому работнику М.П. Мурашёву. Михаил Павлович сразу проникся к нему сочувствием: накормил, расспрашивал про учёбу, спросил, где он остановился. Есенин сказал, что ночует у своих земляков. Явно соврал, так как позднее писал: «Когда Мережковский, гиппиусы и философовы открыли мне своё чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употреблённые?»

Блок, Городецкий и Мурашёв очень способствовали взлёту известности Есенина, рекомендуя его издателям и редакторам журналов. Из петербургских поэтов первым Сергей Александрович познакомился с Рюриком Ивневым. По рассказу Есенина, это случилось так:

– К нему я первому из поэтов пришёл. Скопил он на меня, помню, лорнет, и не успел я ещё стишка в двенадцать строчек прочесть, а уж он тоненьким таким голосочком: «Ах, как замечательно! Ах, как гениально! Ах... – и, ухватив меня под ручку, поволок от знаменитости к знаменитости, свои «ахи» расточая тоненьким голоском...»

Стихотворения Есенина печатались во многих газетах и журналах – за первые полтора месяца пребывания в столице было опубликовано полсотни его произведений. Сергея Александровича приглашали в литературные салоны, в ко-

торых говорили о нём как о чуде. По салонным рассказам, неожиданно-негаданно в Петербурге появился кудрявый деревенский паренёк, в нагольном тулупе и дедовских валенках. В столицу пришёл пешком из далёкой рязанской деревни и сразу сразил своим талантом Александра Блока...

В салонах того времени преобладала эстетствующая молодёжь. Юноши пудрили щёки, мазали помадой губы, подкрашивали ресницы и брови. Среди них было много «голубых» и много претендующих на звание поэтов. Есенин с любопытством приглядывался и прислушивался к ним, но сам помалкивал. Один из современников Сергея Александровича, сошедшийся с ним в первые дни пребывания поэта в Петербурге, писал: «Очень многое из того, что он видел вокруг, было для него новым и необычным. Отсюда возникали его смущение и любопытный взгляд исподтишка, с каким он, стараясь быть незамеченным, рассматривал незнакомые ему лица. Отсюда же проистекала постоянная настороженность молодого Есенина и та пытливая жадность, с которой он прозревал новизну».

Слух о явлении молодого крестьянского поэта, подающего большие надежды, быстро распространился по всему Петербургу. Восторженный Рюрик Ивнев утверждал:

– Литературная летопись не отмечала более быстрого и лёгкого вхождения в литературу. Всеобщее признание свершилось буквально в какие-нибудь несколько недель. Я уже не говорю про литературную молодёжь. Но даже такие «мет-

ры», как Вячеслав Иванов и Александр Блок, были очарованы и покорены есенинской музыкой.

Н.А. Клюев. С 1 мая по 29 сентября Есенин провёл в Константинове. Проездом в пенаты на два дня остановился в Москве. А. Изряднова, любящая и всепрощающая, была счастлива жалкому подарку судьбы и с благодарностью говорила, приукрашивая горькую действительность:

– В мае приехал в Москву уже другой, был всё такой же любящий, внимательный, но не тот, что уехал. Немного побыл в Москве, уехал в деревню, писал хорошие письма¹¹.

В Константинове Сергей Александрович написал повесть «Яр» и подготовил первый сборник стихов «Радуница», завязал переписку с Н.А. Клюевым: «Дорогой Николай Алексеевич! Читал я Ваши стихи, много говорил о Вас с Городецким и не могу не писать Вам. Тем более тогда, когда у нас есть с Вами много общего. Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только на своём рязанском языке. Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 принято 51. Я хотел бы с Вами побеседовать о многом, но ведь “через быстру реченьку, через тёмненький лесок не доходит голосок”. Если Вы прочитаете мои стихи, черканите мне о них. Жму крепко Вашу руку».

Клюев сразу принял молодого поэта в своё сердце, взял

---

¹¹ Ни одного письма Есенина к А.Р. Изрядновой не сохранилось, и, судя по его отношению к первой жене, едва ли таковые были. Анна Романовна была женщиной ответственной, очень любила мужа и письма его, конечно, сберегла бы (как документы, отданные ей Есениным на хранение).

на себя роль его наставника и предостерегал от двоедушия петербургского общества.

«Я помню, – писал Николай Алексеевич, – как жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишья в разговоре, вздохнула, закатила глаза и изрекла:

– Да, хорошо быть крестьянином.

Подумай, товарищ, не заключается ли в этой фразе всё, что мы с тобой должны возненавидеть и чем обижаться кровно. Видите ли – не важен дух твой, бессмертное в тебе, и интересно лишь то, что ты, холуй и хам-смердяков, заговорил членораздельно.

Мы с тобой козлы в литературном огороде, и только по милости нас терпят в нём. В этом огороде есть немало колючих кактусов, избегать которых нам с тобой необходимо для здоровья как духовного, так и телесного.

Особенно я боюсь за тебя: ты как куст лесной шипицы, который чем больше шумит, тем больше осыпается. Твоими рыхлы ми драчёнами¹² объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском. Я не верю в ласки поэтов-книжников и не лягать их тебе не советую. Верь мне. Слова мои оправданы опытом. Ласки поэтов – это не хлеб животный, а “засахаренная крыса”, и рязанцу и олончанину это блюдо по нутру не придёт, и смаковать его нам прямо грешно и безбожно. Быть в траве зелё-

---

¹² Драчёны – блины.

ным и на камне серым – вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть».

Клюев сразу понял, что в литературу пришёл отнюдь не мальчик с многообещающим дарованием, не сказочный херувим, а уже зрелый и самобытный поэт. Особенно подкупили Николая Алексеевича, человека глубоко религиозного, стихотворения Есенина с образом Иисуса Христа, воплощённого в земных страдалцах – в людях.

*Я вижу – в просином платё,
На легкокрылых облаках,
Идёт возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.*

*Она несёт для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».*

*И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли богом
Стучит берестяной клюкой.*

*И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас*

«Не ветры осыпают пуши...»

«Полюбили рязанского Леля». 1 октября Есенин вернулся в Петроград и на следующий день встретился с Клюевым. 25-го они вместе выступили на концерте в зале Тенишевского училища. Клюев держался степенно, говорил нараспев глуховатым тенорком. Был он среднего роста, плечистый, с густо напыленной головой. Одной из зрительниц он показался вдвое старше Есенина. О последнем она говорила:

– Рядом с Клюевым Есенин, простой, искренний, производил чарующее впечатление: в его внешности было что-то лёгкое и ясное. Блондин с почти льняными, светлыми волосами, слегка вьющимися, Есенин был довольно коротко острижен, глаза голубовато-серые, очень живые и серьёзные, внимательные, но с какими-то удивительно озорными искорками, которые то вспыхивали, то вновь исчезали. Вообще он был красив неброской славянской красотой.

Есенин был в белой с серебром рубашке, которая положила начало театрализации его выступлений, приведшей к поддёржкам и сафьяновым сапогам.

«Петроградские ведомости» так откликнулись на этот концерт:

«Когда-нибудь мы с умилением и восторгом вспомним о сопричастности нашей к этому вечеру, где впервые представили нам ясные “ржаные лики” двух крестьянских поэтов, ко-

торых скоро с гордостью узнает и полюбит вся Россия.

Робкой, застенчивой, непривычной к эстраде походкой вышел к настроенной аудитории Сергей Есенин. Хрупкий девятнадцатилетний крестьянский юноша с вольно вьющимися золотыми кудрями, в белой рубашке, высоких сапогах, сразу уже одним милым доверчиво-добрым, детски чистым своим обликом властно приковал к себе все взгляды.

И когда он начал с характерными рязанскими ударениями на “о” рассказывать меткими, ритмическими строками о страданиях, надеждах, молитвах родной деревни (“Русь”), когда засверкали перед нами необычные по свежести, забытые по смыслу, а часто и совсем незнакомые обороты, слова, образы, когда перед нами предстал овеванный ржаным и лесным благоуханием “Божией милостью” юноша-поэт, — размягчились, согрелись холодные, искушённые, неверные, тёмные сердца наши, и мы полюбили рязанского Леля».

Вечер в зале Тенишевского училища организовал С.М. Городецкий. Это было его последнее деяние для Есенина. В ноябре их пути разошлись. Ближайшим другом, учителем и постоянным спутником молодого поэта стал Н.А. Клюев. Началась их общая работа, которая проходила под знаком верности народным истокам.

Вскоре Сергей Александрович заключил договор на издание своей первой книги:

«1915 года, ноября 16 дня продал Михаилу Васильевичу Аверьянову в полную собственность право первых изданий в

количестве трёх тысяч экземпляров моей книги стихов “Радуница” за сумму сто двадцать пять рублей и деньги сполна получил.

Означенные три тысячи экземпляров М.В. Аверьянов имеет право выпустить в последовательных изданиях.

Крестьянин села Константиново Рязанского уезда и Рязанской губернии Кузьминской волости.

Сергей Александрович Есенин.

Петроград, Фонтанка, 149, кв. 9».

Писал Есенин после возвращения в столицу мало: почти всё время занимали различные вечера, визиты к литераторам и в буржуазные семьи. Везде его принимали охотно. В богатых салонах сынки и дочки хозяев стремились показать чудо-крестьянина родителям. За ним ухаживали, его сажали на золочёный стул за столик с бронзовой инкрустацией. Дамы в умилении лорнировали его; а как только с упором на «о» он произносил «корова» или «сенокос», они приходили в шумный восторг:

– Повторите, как вы сказали? Ко-ро-ва? Нет, это замечательно! Это прелестно!

За трогательную и «нездешнюю» внешность Есенина называли «пастушком», «Лелем» и «ангелом». Женщины из литературной богемы открыто притязали на его любовь, Сергей относился первоначально к ним с вежливым опасением и приводил ближайших друзей в весёлое настроение своими сомнениями по поводу чистоты намерений девиц.

– Они, пожалуй, тут все больные, – часто повторял он.

В.С. Чернявский говорил по этому поводу:

– На первых порах Есенину пришлось со смущением и трудом избавляться от упорно садившейся к нему с ласками на колени маленькой поэтессы, говорящей всем о себе тоненьким голосом, что она живёт в мансарде «с другом и белой мышкой». Другая, сочувствующая адамизму, разгуливала перед ним в обнажённом виде, и он не был уверен, как к этому отнестись; в Питере и такие штуки казались ему в порядке вещей. Третья, наконец, послужила причиной его ссоры с одним из приятелей, оказавшись особенно решительной. Он ворчал шутливо: «Я и не знал, что у вас в Питере эдак целуются. Так присосалась, точно всего губами хочет вобрать». Но вся эта женская погоня за неискушённым и, конечно, особенно привлекательным для гурманок «пастушком» – так, по словам Сергея, ничем и не кончилась до первой его поездки в качестве эстрадного поэта в Москву.

Зимний период (1915–1916) пребывания Есенина в Петрограде оказался плодотворным в смысле знакомств с интересными и незаурядными людьми: А.М. Горьким, И.Е. Репиным, А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой. У маститого писателя молодой поэт восторга не вызвал.

– Впервые я увидел Есенина в Петербурге, где-то встретил его вместе с Клюевым. Он показался мне мальчишкой пятнадцати – семнадцати лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддёвке и сапогах с набором, он очень напомнил

слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей, всех с одним и тем же лицом. Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге.

А.А. Ахматова и Н.С. Гумилёв жили в Царском Селе. Есенин и Клюев посетили их 25 декабря. С собой незваные гости прихватили «Биржевые ведомости» за этот день; в номере было напечатано одно из ранних стихотворений Сергея:

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

*По меже, на перемётке,
Резеда и риза кашики.
И вызванивают в чётки
Ивы – кроткие монашки.*

*Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.*

*Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришёл на эту землю,*

Чтоб скорей её покинуть.

Анна Андреевна вспоминала:

«Немного застенчивый, беленький, кудрявый, голубоглазый и донельзя наивный, Есенин весь сиял, показывая газету. Я сначала не понимала, чем было вызвано это его сияние. Помог понять, сам не очень мною понятый, его “вечный спутник” Клюев.

– Как же, высокочтимая Анна Андреевна, – расплываясь в улыбку и топорща моржовые усы, почему-то потупив глазки, проворковал, да, проворковал сей полудьяк, – мой Серёженька со всеми знатными пропечатан, да и я удостоился».

Номер газеты посвящался Дню Рождества Христова, и в нём были представлены произведения широко известных писателей и поэтов: Л. Андреева, Белого, Брюсова, Блока, Бунина, Волошина, Гиппиус, Мережковского, Ремизова, Скитальца, Сологуба, Тренёва, Тэффи, Шагинян, Щепкиной-Куперник. В этот «Ноев ковчег» Иероним Ясинский, председатель литературно-художественного общества «Страда», собрал всех, даже совершенно несовместимых авторов, руководствуясь одним принципом – их известностью. Немудрено было, понимая это, и засиять.

Конечно, Сергей Александрович прочитал Ахматовой поднесённое ей стихотворение, и она зачарованно слушала его: «Читал он великолепно. Я просила ещё читать, и он читал. Читая, Есенин был ещё очаровательнее. Иногда он пря-

мо смотрел на меня, и в эти мгновения я чувствовала, что он действительно “всё встречает, всё приемлет”, одно тревожило, и эту тревогу за него я так и сохранила, пока он был с нами, тревожила последняя строка: “Я пришёл на эту землю, чтоб скорей её покинуть”».

С. Есенин и Н. Клюев. Художник В.А. Юнгер, 1915 г.

Тревожила долго, ведь Ахматова была русской Кассандрой: «...гибель накликала милым, и гибли один за другим». Анна Андреевна проводила в царство теней своего ближайшего друга Николая Владимировича Недоброво за три года до его реальной смерти. В стихотворении «Не быть тебе в живых...» предсказала смерть Гумилёва, а позднее и гибель Есенина:

*Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.*

*Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.*

Стихотворение это называется «Памяти Сергея Есенина» и написано при его жизни! Поэтому никто его не знал: обнаружено оно было в архиве Ахматовой после её кончины. Своим проклятым даром она мучилась, и мало кто знал о нём.

Есенин, кстати, обладал высокой степенью предчувствия. На встречу с Ахматовой он шёл с интересом и ожиданием чуда. Приняли его хорошо. Анна Андреевна подарила ему

поэму «У самого моря» (с дарственной надписью, конечно). Гумилёв – свой сборник «Чужое небо». Расстались дружно, и всё же что-то долго угнетало поэта.

Выступления в Москве. 1916 год начался для Есенина с поездки в Москву. 7–10 января он вместе с Клюевым выступал в лазарете для раненых при Марфо-Мариинской общине (Б. Ордынка, 34). Это медицинское заведение находилось под патронажем великой княгини Елизаветы Фёдоровны, сестры императрицы. 12-го неразлучная пара была уже в доме самой великой княгини. Художник М.В. Нестеров, оказавшийся среди приглашённых, оставил зарисовку выступавших: «В противоположном конце комнаты сидели сказители. Их было двое: один молодой, лет двадцати, кудрявый блондин, с каким-то фарфоровым, как у куколки, лицом. Другой – сумрачный, широколицый брюнет лет под сорок. Оба были в поддёвках, в рубахах-косоворотках, в высоких сапогах».

Следующее выступление Есенина и Клюева проходило в галерее Лемерсье на Петровке. Организовало его Общество свободной эстетики. Литературовед и историк русской поэзии И.Н. Розанов вспоминал: «Распорядитель объявил, что стихи будут читать сначала Клюев, потом... последовала незнакомая фамилия. “Ясенин” послышалось мне. И когда через полгода я купил только что вышедшую “Радуницу”, я не без удивления увидел, что фамилия автора начинается с “е” и что происходит она не от “яшень”, а от “осень”, по-цер-

ковнославянски “есень”»).

Есенин начал своё выступление с чтения стихотворения «Сказание о Евпатии Коловрате», а Клюев – с «О Вильгельм-мище, царе поганом»:

*Народилось железное царство
Со Вильгельмищем, царищем поганым –
У него ли, нечестивца, войска – сила,
Порядового народа – несусветно...*

В перерыве И.Н. Розанов прислушивался к разговорам публики. В основном говорили о Клюеве. «Но среди слушателей раздавались и голоса, отдававшие предпочтение безвестному до сих пор в Москве Есенину перед гремевшим в обеих столицах Клюевым. Мне лично Клюев показался слишком перегруженным образами, а местами и прямо риторичным. Есенина я, как и многие другие, находил проще и свежее. Были стихотворения, понравившиеся мне целиком, например, “Корова”:

*Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил её выгонщик грубый
На перегонных полях.*

*Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу*

О белоногом телке.

*Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок...*

Кажется, первый раз в русской литературе поэт привлекал внимание к горю коровы».

К последнему замечанию Розанова можно добавить, что Сергей Александрович любил всех животных и в стихотворении «Я обманывать себя не стану...» писал: «Для зверей приятель я хороший».

И, кстати, когда он находился в Москве, в «Биржевых ведомостях» было напечатано его замечательное стихотворение «Лисица»:

*На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошивой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.*

*Ей всё бластился в колючем дыме выстрел,
Кольхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь...*

Выступление петербургских гостей москвичи приняли до-

вольно сдержанно: ни бурных аплодисментов, ни охов и ахов не было. «Жавороночек», как называл Клюев своего напарника и «сына», большинству публики понравился, фамилию его запомнили. Но и только. Конечно, это было немало, но не для молодого честолюбца, избалованного своими успехами в столице. Сдержанным оказался и отчёт об этом вечере, напечатанный 22 января в московской газете «Утро России»: «Вчера Общество свободной эстетики устроило вечер народных поэтов Н. Клюева и С. Есенина. Поэты ещё до чтения своих стихов привлекли внимание собравшихся своими своеобразными костюмами: оба были в чёрных бархатных кафтанах, цветных рубахах и жёлтых сапогах. После небольшого выступления И.И. Трояновского, указавшего, что Н. Клюев слушателям уже известен, а г. Есенин выступает в Обществе свободной эстетики первый раз, поэты начали чтение стихов. Н. Клюев прочёл былину-сказание “О Вильгельмиче, царе поганом”, а г. Есенин – сказание о Евпатии Коловрате. Затем поэты читали поочерёдно лирические стихотворения. В произведениях обоих поэтов в значительной мере нашла своё отражение современная война».

И стандартное заключение: «Оба поэта имели у слушателей успех».

Симптоматично определение выступления Есенина и Клюева в Обществе свободной эстетики А.Р. Изрядновой, гражданской жены Сергея Александровича:

– В «Эстетике» на них смотрели как на диковинку.

Запись о пребывании Есенина в Москве занимает в воспоминаниях Анны Романовны один абзац. И в нём ни малейшего намёка на то, что Сергей Александрович был у неё и повидал сына, которому как раз 21 января исполнился год и один месяц. А это, по-видимому, было для Изрядновой более важно, чем отметить только факт пребывания отца её сына в Москве. Скорее всего, Есенин не сделал этого.

Было не до оставленной супруги: в Москве поэт общился к лёгкой интимной жизни. Никогда не хвастался этим, но однажды проговорился Л.М. Клейнборту, одному из тех, кто способствовал его продвижению на поэтический олимп.

«Он, – вспоминал Лев Максимович, – как-то обратил внимание на стихи, присланные одной поэтессой из Москвы. Заглянув в стихи, усмехнулся.

– Чему вы? – спросил я.

– Знаю я эту... блудницу... Ходили к ней.

– Ходили? – переспросил я.

– Да, не один. Ходили мы к ней втроём... вчетвером...

– Втроём... вчетвером? – с удивлением повторил я. – Почему же не один?

– Никак невозможно, – озорной огонь заблестел в его глазах. – Вот – не угодно ли?

Он прочёл четыре скабрёзных стиха.

– Это её! – сказал он. – Кто её “мёда” не пробовал!

Мне бросились в глаза очертания его рта. Они совсем не

гармонировали с общим обликом его, таким тихим и ясным. Правда, уже глаза его были лукавы, но в то же время всё же наивны. Губы же были чувственны; за этой чувственностью пряталось что-то, чего недоговаривал общий облик».

На царской службе. 25 марта 1916 года Есенина призывали на действительную службу. С помощью друзей он был определён в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143. На нём дважды подъезжал к линии фронта, а один раз съездил в Крым. Служба не обременяла его благодаря покровительству полковника Д.Н. Ломана, штаб-офицера для особых поручений при коменданте императорского дворца.

22 июля, в день именин вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и великой княжны Марии Николаевны, в царскосельском лазарете состоялся концерт. В нём участвовал и Есенин. Он читал стихотворение «Русь», посвящённое войне:

*Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину...*

Никакого ура-патриотизма: война для крестьянина – беда, с потерей хозяина рушится весь уклад жизни, все тяготы тяжёлого физического труда ложатся на женщин и подростков. И все с внутренним трепетом ждут известий с фронта:

*Затомилась деревня невесточкой –
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,
Не погибли ли в жарком бою?*

Да нет, вот же пишут, что живы и здоровы, обещают скоро вернуться, скучают по дому и детям:

*Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождём.*

Бабы, невесты, ополченцы, матери, ребятня заполняют строфы стихотворения. Для них война не героический подвиг, а неизбежная работа, такой же труд, как и в их повседневной жизни. И от него не отвертишься: хочешь не хочешь, а выполняй. Словом, перед нами Русь со всеми тяготами и радостями народной жизни.

Стихотворение имело успех и получило одобрение императрицы. «Она, – писал Есенин в одной из своих автобиографий, – после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия».

По заданию Д.Н. Ломана Сергей Александрович написал к именинам царских персон стихотворение, посвящённое великим княжнам, которое и было на концерте вручено им:

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Берёзки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.*

*Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шёл страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.*

*На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Всё ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладёт печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.*

Концовка стихотворения загадочна: что вдруг насторожило поэта? Почему надо особо молиться за царских дочерей, которые вроде бы вполне устроены и счастливы? Выше уже упоминалось о том, что Есенин обладал провидческим даром, и возможно, что за внешним благополучием Романовых он прозревал судьбу Николая II и его семьи, видел подвалы дома Ипатьева. Кстати, народная молва связывает имя Есенина с Анастасией, младшей дочерью царя.

– Да, так оно и было. Он сам мне об этом рассказывал, когда мы познакомились, – вспоминала Надежда Вольпин. – Так и сказал: «Гуляли с Настенькой в саду».

А ещё он рассказывал, что Настенька носила ему из дома сметану в горшочке и они ели её одной ложкой, так как царица постеснялась попросить на кухне вторую.

Озорничал великий поэт и сознательно окружал себя мифами.

Есенин не без удовольствия участвовал во всех придворных мероприятиях и готовил к изданию сборник «Голубень», который открывался циклом стихов, обращённых к императрице Александре Фёдоровне. Но как-то, встретив в Петрограде Всеволода Рождественского, с напускным раздражением жаловался ему:

– Пуще всего донимают царские дочери – чтоб им пусто было. Придут с утра, и весь госпиталь вверх дном идёт. Врачи с ног сбились. А они ходят по палатам, умиляются, образки раздают, как орехи с ёлки. Играют в солдатики, одним словом. Я и «немку» два раза видел. Худая и злющая. Такой только попадись – рад не будешь. Доложил кто-то, что есть санитар Есенин, патриотические стихи пишет. Заинтересовались. Велели читать. Я читаю, а они вздыхают: «Ах, это всё о народе, о великом нашем мученике-страдальце». И платочек из сумочки вынимают. Такое меня зло взяло. Думаю – что вы в этом народе понимаете!

Императрица Александра Фёдоровна

Да, внутренне поэт не принимал российское самодержавие; и это наглядно проявилось в его отказе от предложения Д.Н. Ломана написать (совместно с Н.А. Клюевым) книгу стихов и «запечатлеть в ней Фёдоровский собор, лик царя и аромат храмины государевой».

По распоряжению царя в Царском Селе был построен Фёдоровский городок – Кремль в миниатюре: пять домов и собор, обнесённые стеной. Конечно, и в городок, и в собор допускались только избранные. Есенин получал пропуск на богослужение в Фёдоровском Государевом соборе шесть раз: 22 и 23 октября, 31 ноября 1916 года, 1, 5 и 6 января 1917-го. Правда, этим он не хвалился, как и тем, что 3 ноября получил от императрицы Александры Фёдоровны в подарок золотые часы. То есть отказ Сергея Александровича восславить Николая II не повлиял на отношение к нему царской семьи, и послаблений со стороны полковника Ломана он не лишился.

«Не напрасно дули ветры». На какой-то небольшой промежуток времени поэт включился в активную общественную жизнь. Но это была не его стезя, и скоро он удалился в тихое Константиново. В пенатах он находился с конца мая до середины июля. Полтора летних месяца 1917 года провёл неплохо.

Часть села занимала помещичья усадьба с большим са-

дом. Внутренность этого владения скрывал высокий бревенчатый забор. Усадьба принадлежала тридцатилетней барыне Л.И. Кашиной. Анна, прислуга Лидии Ивановны, говорила о ней:

– Она была такая тонкая, нежная, возвышенная, неспособная обидеть человека. Бывало, упрекнёт так мягко, что и не поймёшь, ругает или хвалит. И при этом вся сконфузится: ты, говорит, уж прости меня, голубушка, если не права. Всё раздавала крестьянам, деткам их маленьким. Славная, добрая и умная была барышня.

Сельчане видели Лидию Ивановну при её выездах на породистой лошади в поле. У Кашиной было двое детей, с которыми занимался Тимофей Данилин, друг детства Есенина. Как-то он пригласил его с собой; и с этого дня Сергей Александрович каждый вечер проводил у барыни. Матери его это не нравилось.

– Ты нынче опять у барыни был? – спрашивала она.

– Да, – отвечал Сергей.

– Чего же вы там делаете?

– Читаем, играем, – говорил сын и вдруг взрывался: – Какое тебе дело, где я бываю!

– Мне, конечно, нет дела, а я вот что тебе скажу: брось ты эту барыню, не пара она тебе, нечего и ходить к ней. Ишь ты, нашла с кем играть, – закончила свои назидания Татьяна Фёдоровна.

Сергей не ответил матери и продолжал свои вечерние во-

яжи в усадьбу.

Как-то за завтраком заявил:

– Я еду сегодня на яр с барыней.

Татьяна Фёдоровна промолчала.

До обеда день был чудесный, но к вечеру поползли тучи и разразилась страшная гроза. Ветер ломал деревья. Дождь сильными струями хлестал по окнам. И тут с Оки раздались крики:

– Тонут! Помогите! Тонут!

– Господи, спаси его, батюшка Николай Угодник! – вырвалось у Татьяны Фёдоровны, и она побежала к реке.

Вернулась успокоенная: на переправе сорвался с тросов паром, но людей на нём не было. Сергей пришёл домой поздно ночью и через день-два отразил свои приключения в следующих поэтических строках:

*Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.*

*С чьей-то ласковости веишей
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездеишей,
Неразгаданной земле...*

В творческом плане ветры дули в благоприятном направ-

лении. 19–20 июня Есенин написал небольшую поэму «Отчарь», а в последующие дни – стихотворения «О Русь, взмахни крылами...», «Певущий зов» и «Товарищ».

Весной следующего года Сергей Александрович опять был в родном селе. Приехал в неурочное время – мужики делили барское владение. Есенину удалось удержать односельчан от крайностей. Совсем некстати он заболел. В Москву возвращался вместе с Кашиной. С неделю провалялся в её московской квартире. После выздоровления посвятил Лидии Ивановне стихотворение «Зелёная причёска», а события в Константинове отразил в своей лучшей поэме «Анна Снегина».

Поэма была написана прямо-таки молниеносно, но обдумывал её поэт не один день и не один месяц. Воспоминания о былом всколыхнули в памяти годы юности с прекрасной девушкой в белом и вызвали к жизни ещё один лирический шедевр:

*Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была...*

Последний раз Есенин и Кашина виделись в сентябре 1923 года, после возвращения Сергея Александровича из-за границы. Их встреча проходила в кафе «Стойло Пегаса». Её невольной свидетельницей стала Надя Вольпин.

«Прихожу, как условились, – вспоминала она. – Останавливаюсь в дверях. Он стоит под самой эстрадой с незнакомой мне женщиной. С виду ей изрядно за тридцать, ближе к сорока. Несомненно провинциалка. По общему облику – сельская учительница. Тускло-русые волосы приспущены на лоб и уши. Лицо чуть скуластое, волевое. Нос с горбинкой, не восточный, а чисто славянский. Рот, пожалуй, средний. Повыше меня, но значительно ниже собеседника. Так что говорит она с ним, несколько вскинув голову. Чем-то крайне недовольна.

Слов я издали не слышу, но тон сердитой отповеди. Почти злобы. На чём-то настаивает. Требуется. Есенин с видом спокойной скуки всё от себя отстраняет. Уверенно и непреложно. Мне неловко: точно я случайно подглядела сцену между любовниками.

Л. Кашина

Есенин подаёт мне знак подождать. Но с гостьей не знакомит. Женщина удалилась, бросив: “Ну что ж! Я ухожу!” Даже не кивнула на прощанье.

– Кто такая?

– Так, одна... из наших мест.

– Землячка?

– Ну да.

И у меня мелькнуло имя: Лидия Кашина!»

...Да, расставание с бывшей музой было весьма прозаично и очень далеко от тех вдохновенных чувств, которые были навеяны поэту воспоминаниями былого при работе над поэмой «Анна Снегина»:

*Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далёкие, милые были.
Тот образ во мне не угас...*

Стихотворения, связанные с Л.И. Кашиной

Не напрасно дули ветры...

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетёт немая млечность,
Не тревожит звёздный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Всё в них благостно и свято,
Всё тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озёрное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвётся образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

1917

Зелёная причёска

Л.И. Кашиной

Зелёная причёска,
Девическая грудь,
О тонкая берёзка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чём звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ берёзка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звёздной
Здесь слёзы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени

Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
“Прощай, моя голубка,
До новых журавлей”».

1918

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клён,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пёс почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чём-то подолгу мечтала
У калины за жёлтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой её сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пёс, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

1924

«В захвате всегда есть скорость...»

В захвате всегда есть скорость:

«Даёшь! Разберём потом!»

Весь хутор забрали в волость

С хозяйками и со скотом.

А мельник...

Мой старый мельник

Хозяек привёз к себе,

Заставил меня, бездельник,

В чужой ковыряться судьбе.

И снова нахлынуло что-то...

Тогда я всю ночь напролёт

Смотрел на скривлённый заботой

Красивый и чувственный рот.

Я помню –

Она говорила:

«Простите... Была не права...

Я мужа безумно любила.

Как вспомню... болит голова...

Но вас

Оскорбила случайно...

Жестокость была мой суд...

Была в том печальная тайна,

Что страстью преступной зовут.

Конечно,

До этой осени
Я знала б счастливую бль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутылъ...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продолжать.
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевёл на другое,
Уставясь в её глаза,
И тело её тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор...

«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...

Нам по шестнадцать лет...»

«Анна Снегина», январь 1925

Поэма «Анна Снегина» автобиографична. Время действия в ней 1917–1918 годы, то есть период двух революций и коренной ломки в деревне. Но в поэме они даны вторым планом. Главное в ней – отношения поэта Сергея и наследницы имения Анны Снегиной. Они проходят на фоне ностальгических воспоминаний об их юности и сожаления о том, что былого, увы, не вернуть.

Сергей – это, конечно, сам Есенин, а Анна – Лидия Кашина, женщина в белом. Для поэта – она олицетворение душевной чистоты, осиявшей весь его жизненный путь. Память об этой женщине Сергей Александрович сохранял всю жизнь и при работе над поэмой в дымке ушедшего времени видел Лидию Кашину – мечту юности и ностальгическую грусть зрелости.

Глава 2. «Самое главное в её жизни»

Второй брак. 1917 год Есенин встретил в Царском Селе. В начале января он присутствовал на богослужении в Фёдоровском Государевом соборе. 19 февраля в трапезной Фёдоровского городка читал стихи для членов Общества возрождения художественной Руси. На торжественный завтрак Д.Н. Ломан пригласил более ста высокопоставленных царедворцев.

Дмитрий Николаевич всё надеялся, что поэт передумает и напишет что-то, восхваляющее царя. Не добившись этого, Ломан 22 февраля дал предписание Есенину выехать в Могилёв для продолжения службы во 2-м батальоне Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка. Но 27 февраля грянула революция, и Сергей Александрович, по его собственному признанию, бежал с фронта.

*Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.*

«Анна Снегина»

Через две недели после революции Сергей Александрович был уже в Петрограде, где случайно столкнулся с Рюриком Ивневым. Последний вспоминал:

«Был снежный и ветреный день. Вдали от центра города, на углу двух пересекающихся улиц, я неожиданно встретил Есенина с тремя, как они себя именовали, “крестьянскими поэтами”: Николаем Клюевым, Петром Орешиним и Сергеем Клычковым. Они шли вразвалку и, несмотря на густо валивший снег, в пальто нараспашку, в каком-то особенном возбуждении, размахивая руками, похожие на возвращающихся с гулянки деревенских парней.

С. Есенин и А. Ганин

Сначала я думал, они пьяны, но после первых же слов убедился, что возбуждение это носит иной характер. Первым ко мне подошёл Орешин. Лицо его было тёмным и злобным. Я его никогда таким не видел.

– Что, не нравится тебе, что ли?

Клюев, с которым у нас были дружеские отношения, добавил:

– Наше времечко пришло.

Не понимая, в чём дело, я взглянул на Есенина, стоявшего в стороне. Он подошёл и стал около меня. Глаза его щурились и улыбались. Однако он не останавливал ни Клюева, ни Орешина, ни злобно одобрявшего их нападки Клычкова. Он только незаметно для них просунул свою руку в карман моей шубы и крепко сжал мои пальцы, продолжая хитро улыбаться.

Мы простояли несколько секунд, потоптавшись на месте, и молча разошлись в разные стороны».

Озлобленность вчерашних друзей удивила Ивнева, и, вновь встретившись через несколько дней с Есениным, он потребовал объяснений. Сергей Александрович махнул рукой и, засмеявшись, спросил:

– А ты испугался?

– Да, испугался, но только за тебя.

– Ишь как поворачиваешь дело.

– Тут нечего поворачивать. Меня испугало то, что тебя как будто подменили.

– Не обращай внимания. Это всё Клюев. Он внушил нам, что теперь настало «крестьянское царство» и что с дворянчиками нам не по пути. Видишь ли, это он всех городских поэтов называет дворянчиками.

– Уж не мнит ли он себя новым Пугачёвым?

– Кто его знает, у него всё так перекручено, что сам чёрт ногу сломит. А Клычков и Орешин просто дурака валяли.

За две недели, прошедшие со дня свержения самодержав-

вия, определиться с курсом Временного правительства было трудно, и пока он подыгрывал Ключеву, руководствуясь принципом не лезть на рожон...

17 марта Есенин был направлен Государственной думой в распоряжение Военской комиссии, которая определила его в школу прапорщиков, но воинские лавры не прельщали поэта:

*Тогда над странюю калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.*

*Но всё же не взял я шпагу...
Под грохот и рёв мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.*

Это, конечно, поэзия («Анна Снегина»), но вот что писал Сергей Александрович в биографии 1923 года: «В революцию самовольно покинул Керенского и, проживая дезертиром, работал с эсерами не как партийный, а как поэт».

В левозсеровской прессе Есенин напечатал около шестидесяти стихотворений: «Марфа Посадница», «Товарищ», «О красном вечере задумалась дорога...», «О Русь, взмахни

крылами...» и другие. Что касается Керенского, то в этом вопросе он оказался на диаметрально противоположных полюсах со своим лучшим другом Л. Каннегисером: По вопросам о Февральской революции, Временном правительстве, Керенском мнения друзей разошлись, и в их отношениях наступило отчуждение. Место Каннегисера в кругу друзей Есенина занял А. Ганин. Алексей тоже был поэтом. Правда, хреновым, как говорил Сергей Александрович, но товарищ хороший. Через него состоялось знакомство с З. Райх, которая работала в редакции левоэсеровской газеты «Дело народа».

Зинаида Райх

*На солнце, сверкая штыками –
Пехота. За ней, в глубине, –
Донцы-казаки. Пред полками –
Керенский на белом коне.*

*Он поднял усталые веки,
Он речь говорит. Тишина.
О, голос! Запомнить навеки:
Россия. Свобода. Война...*

*И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о, мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать –*

*Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню – Россия, Свобода,
Керенский на белом коне.*

Зина была на год старше Есенина. Современники отмечали её прелестные, как вишни, глаза и веки, как два лепестка, необыкновенную матовую кожу и тугие чёрные косы, уложенные вокруг головы. К тому же она была абсолютно женственна.

Сергея поразили её красота и обаяние. Она показалась

ему «тургеневской девушкой», которые представлялись ему идеалом. Словом, находка для поэта.

Мать Зинаиды, Анна Ивановна, происходила из обедневших дворян. Отец, Август Райх, немец, выходец из Сицилии, был высококвалифицированным механиком, работал пароводным и паровозным машинистом. При женитьбе он перешёл из лютеранства в православие и при крещении получил другое имя – Николай Андреевич.

За участие в событиях 1905 года Райх был выслан из Одессы, и Зина провела детство в Бендерах; там же она прожила свои отроческие годы и начало юности. Росла под влиянием отца. После окончания гимназии вместе с аттестатом получила свидетельство о политической неблагонадёжности, что лишало права поступления в российские университеты. Пришлось ограничиться частным учебным заведением в Петрограде – Высшие женские курсы Н.П. Раева. Выбрала историко-литературный факультет. В эсеровскую газету попала, видимо, благодаря старым революционным знакомствам отца.

Как подступиться к грациозной девушке, Есенин не знал и для вида всё своё внимание уделял её подруге, семнадцатилетней Мине Свирской, которая была секретарём газеты «Дело народа».

– Он приходил всегда во второй половине дня, – вспоминала Свирская, – в лёгком пальтишке, в фетровой несколько помятой чёрной шляпе, молча протягивал нам руку, доста-

вал из шкафа толстый том Щапова «История раскольниковского движения» и усаживался читать. Пальто он не снимал, воротник поднимал и высоко нахлобучивал шляпу.

После Есенина приходил Ганин, влюблённый в Райх, за ним появлялась Зинаида, и четвёрка молодых людей отправлялась бродить по Петрограду. Поэты читали стихи и много спорили по их поводу. Однажды, основательно отстав от девушек, выясняли вопрос о правомерности написания выражения «небо озвездилось». После этого случая, когда Есенин и Ганин застревали где-нибудь, Райх говорила подруге: – Опять у них «озвездилось», пойдём, они нас догонят.

Половину весны и осени Сергей Александрович провёл в Константинове, где пережил короткий, но ставший для него памятным роман с помещицей Лидией Кашиной.

*Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.*

*С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле...*

В середине июля Есенин вернулся в Петроград и тут же загорелся желанием поглядеть на Соловки, место восстания

1668–1676 годов «за старую веру» и один из центров раскола Русской церкви. Мысль о поездке поддержали Ганин и Райх. Последняя даже обеспечила затейное мероприятие финансово.

Выехали в Вологду, где у Ганина были знакомые, далее – в Архангельск. Там сели на пароход и поплыли: Умба, Кандалакша, Кереть, Кемь, Соловецкие острова. Во время плавания Есенин просил Зину петь, и она не противилась:

*Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поёшь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.*

*Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Всё равно – Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.*

Стихотворение «Небо ли такое белое...» – единственное свидетельство о северном вояже Есенина.

На обратном пути, когда Ганин куда-то отлучился, Есенин «оповестил» Зинаиду:

– Я хочу на вас жениться.

На его удивление, Райх не замлела от счастья, а тихо сказала:

– Дайте подумать.

«Жених» сразу помрачнел. Ещё бы: девице такое счастье привалило, а она чего-то там раздумывает! За время двухмесячного общения с поэтом Зинаида пригляделась к Есенину, и, по-видимому, у неё были какие-то сомнения. Да просто и неприлично сразу падать к ногам суженого. Словом, с часок Сергей Александрович попсиховал. Но когда вернулся Алексей, Райх, глядя на Сергея, твёрдо сказала: «Да!» Ганин внимательно посмотрел на обоих и всё понял.

Решили немедленно венчаться. Денег, конечно, не было, и Зинаида телеграфировала отцу, чтобы выслал энную сумму. Получила 100 рублей. На них купили обручальные кольца и заплатили священнику.

Венчались 30 июля под Вологдой в церкви Кирика и Иулитты Толстиковского прихода Вологодского уезда. Шафером со стороны невесты был влюблённый в неё Ганин.

Ночевали у кого-то из его родственников. И первое разочарование: новобрачная оказалась не девушкой. Есенин был потрясён. Сцен у незнакомых людей не стал устраивать, но заноза в сердце осталась на всю жизнь, а излишняя самоуверенность несколько поколебалась.

Вернувшись в Петроград, молодожёны поселились раздельно, чтобы не мешать (!) друг другу. В конце августа съездили в Орёл к родителям Райх. Конечно, со страдальцем Ганиным. Дед Зинаиды вспоминал:

– Приехали трое: Зинаида с мужем и какой-то белобрысый паренёк. Муж – высокий, темноволосый, солидный, се-

рѣзный. Ну, конечно, устроили небольшой пир. Время трудное было... Посидели, попили, поговорили. Ночь подошла. Молодым я комнату отвёл. Гляжу, а Зинаида не к мужу, а к белобрысенькому подходит. Я ничего не понимаю. Она с ним вдвоём идёт в отведённую комнату. Только тогда и сообразил, что муж-то – белобрысенький. А второй – это его приятель.

Вернувшись из Орла, Есенин и Райх наконец-то поселились вместе – Литейный проспект, 33. Сняли две комнаты на втором этаже, окна квартиры выходили во двор.

21 сентября¹³ отметили день рождения Сергея Александровича. За скромным столом собрались Ганин, Иванов-Разумник, Пётр Орешин и Мина Свирская. Стол выглядел довольно празднично. Света не было, сидели при керосиновой лампе и свечах. Говорили в основном о стихах и литературе.

...Скоропалительный брак не принёс супругам счастья. Довольно скоро после соединения их судеб случилась крупная ссора. Нам она известна по рассказу Райх дочери. Татьяна Сергеевна так передавала откровения матери:

«Она пришла с работы. В комнате, где он обычно работал за обеденным столом, был полный разгром: на полу валялись раскрытые чемоданы, вещи смяты, раскиданы, повсюду листы исписанной бумаги. Топилась печь, он сидел перед нею на корточках и не сразу обернулся – продолжал засовывать

---

¹³ По старому стилю.

в топку скомканные листы. Она успела разглядеть, что сжигает рукописи своей пьесы.

Но вот он поднялся ей навстречу. Чужое лицо – такого она ещё не видела. На неё посыпались ужасные, оскорбительные слова – она не знала, что он способен их произносить. Она упала на пол – не в обморок, просто упала и разрыдалась. Он не подошёл. Когда поднялась, он, держа в руках какую-то коробочку, крикнул:

– Подарки от любовников принимаешь?!

Швырнул коробочку на стол. Она доплелась до стола, опустилась на стул и впала в оцепенение – не могла ни говорить, ни двигаться. Они помирились в тот же вечер. Но они перешагнули какую-то грань, и восстановить прежнюю идиллию было уже невозможно. В их бытность в Петрограде крупных ссор больше не было, но он, осерчав на что-то, уже мог её оскорбить».

К воспоминаниям Райх можно добавить одно – в момент описанного конфликта она находилась на третьем месяце беременности.

Предъявляя высокие требования к жене, сам Есенин вёл богемный образ жизни. Днём, когда супруга пребывала на службе, работал, а вечером уходил куда-нибудь и возвращался поздно ночью. П. Орешин рассказывал о знакомстве с Сергеем Александровичем как раз в это время:

«Часов около десяти вечера слышу – кто-то за дверью спрашивает меня. Двери без предупреждения открываются,

и входит Есенин. Было это в семнадцатом году, осенью, в Петрограде, когда в воздухе уже пахло Октябрём. Я сидел за самоваром, дописывал какое-то стихотворение. Есенин подошёл ко мне, и мы поцеловались.

На нём был серый, с иголки костюм, белый воротничок и галстук синего цвета. Довольно щегольской вид. Свежее юношеское лицо, светлый пушок над губами, синие глаза и кудри. Когда он встряхивал головой или менял положение головы, я не мог не сказать ему, что у него хорошие волосы.

Засунув обе руки в карманы, прошёлся по большой комнате, по ковру, и тут я впервые увидел “лёгкую походку” – есенинскую. Есенин больше походил на изящного джентльмена, чем на крестьянского поэта, воспевающего тальянку и клюевскую хату, где “из углов щенки кудлатые заползают в хомуты”».

Для первого знакомства выпили самовар чая и опорожнили скромные запасы Орешина. Говорили о поэзии и поэтах, Есенин читал стихи. В комнате стоял густой табачный дым. Разошлись в четыре часа утра. Хозяин предложил гостю заночевать у него, но Сергей Александрович отказался:

– А жену кому? Я, брат, жену люблю.

...7 ноября (по новому стилю) произошла вторая за 1917 год революция – Октябрьская. «Есенин, – говорил П. Орешин, – принял Октябрь с неопишуемым восторгом, и принял его только потому, что внутренне был уже подготовлен

к нему, что весь его нечеловеческий темперамент гармонировал с Октябрём».

В эти дни Сергей Александрович встретился с Р. Ивневым и с восхищением говорил ему:

– А я вот брожу, целый день брожу. Всё смотрю, наблюдаю. Посмотри, какая Нева! Снилось ли ей при Петре то, что будет сейчас?

Другой современник поэта отмечал: «Была в нём большая перемена. Он казался мужественнее, выпрямленнее, взволнованно-серьёзнее. Ничто больше не вызывало его на лукавство, никто не рассматривал его в лорнет, он сам перестал смотреть людям в глаза с пытливостью и осторожностью. Хлёсткий сквозняк революции и поворот в личной жизни освободили в нём новые энергии».

Эти энергии дали жизнь маленьким поэмам, которые называют «есенинской Библией». В цикл маленьких поэм входят: «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик» и «Пантократор». Поэмы переполнены библейскими образами и символами, что затрудняет их понимание:

*Облаки лают,
Ревёт златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!*

«Преображение»

Но в год революций в маленьких поэмах поэта узрели рождение нового мира, который сравнивали с божественным творением. Главная мысль цикла была сформулирована уже в первой из вошедших в него поэм: «Не губить пришли мы в мире, а любить и верить». Наиболее наглядным откликом поэта на Октябрьскую революцию стали поэмы «Пришествие» и «Преображение».

*Зреет час преображенья,
Он сойдёт, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.*

*От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно вёдра, наши будни
Он наполнит молоком.*

*И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звёздами пророчить
Среброзлачный урожай.*

*А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, —
Он, в ладью златую свесясь,*

Уплывёт в свои сады.

Завершающим аккордом года стал вечер Есенина в Тенишевском училище 22 ноября. Сергей Александрович читал стихи из книг «Радуница» и «Голубень», поэмы «Октоих» и «Пришествие». Публики было мало, вся она сбилась в передних рядах: десяток-другой людей от литературы и общественности, несколько друзей, несколько солдатских шинелей и районных жителей. Стихи встретили хорошо, а поэмы весьма сдержанно: смущали религиозные образы и не доходил до сознания их скрытый смысл. Но поэт был доволен: в громах исторических событий он утверждал значимость своего поэтического голоса.

Последняя встреча. 1918 год начался для Есенина с визита к А.А. Блоку и продолжительного разговора с ним. Говорили о революции, о восставшем народе, об утверждении новой жизни, об отношении художника к происходящему, о творчестве и природе художественного образа, о путях развития литературы и её общественном долге.

На следующий день Александр Александрович сделал фрагментарную запись, дав ей название «О чём вчера говорил Есенин». Итак, о чём же?

«Кольцов старший брат (его уж очень вымуштровали, Белинский не давал свободы); Клюев – средний – “и так и сяк” (изограф, слова собирает), а я – младший». Этими именами Есенин противопоставлял крестьянских поэтов всей русской литературе. Мысли об этом воплотил в следующих поэтических строках:

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встаёт иная степь.*

*По голубой долине,
Меж тёлок и коров,
Идёт в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.*

*В руках – краюха хлеба,
Уста – вишнёвый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.*

За ним, с снегов и ветра,

*Из монастырских врат,
Идёт, одетый светом,
Его середний брат.*

*От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку – Клюев,
Смиранный Миколай.*

*А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и весёлый,
Такой разбойный я.*

*Долга, крута дорога,
Несчётны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор...*

По мнению Есенина, все столичные литераторы были западниками и задачей крестьянских поэтов и писателей являлось противостояние им. По этому поводу Сергей Александрович писал А.В. Ширяевцу:

«Бог с ними, этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но всё-таки они люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развинчены. Об отношениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской

купницы.

Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублёва Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трёх китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костёр Стеньки Разина.

Тут о “нравится” говорить не приходится, а приходится натягивать свои подлинней голенища да забродить в их пруд поглубже и мутить, мутить до тех пор, пока они, как рыбы, не высунут свои носы и не разглядят тебя, что это – ты. Им всё нравится подстриженное, ровное и чистое, а тут вот возьмёшь им да кинешь с плеч свою вихрастую голову, и боже мой, как их легко взбаламутить».

Но вернёмся к январским высказываниям великого поэта.

О религии: «Я выплёвываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, сораспятия)».

Об интеллигенции: «Интеллигент – как птица в клетке; к нему протягивается рука здоровая, жилистая (народ); он бьётся, кричит от страха».

Есенин неслучайно затронул этот вопрос: как раз в эти дни Блок работал над своей знаменитой статьёй «Интеллигенция и революция», которая была напечатана 19 января в газете ЦК партии левых социалистов-революционеров.

О социальном неравенстве: «Щит между людьми. Революция должна снять эти щиты. Я не чувствую щита между нами».

О себе: «Из богатой старообрядческой крестьянской семьи – рязанец».

Это ответ на вопрос Блока о том, где Есенин почерпнул свои немалые знания? Ответ прост – из книг. Но поэт почему-то счёл это зазорным и сочинил легенду о своём происхождении, о деде-старообрядце. То есть объявил себя выходцем из глубинных слоёв народа, наследником мудрости пращуров и их богатств: «Никогда не нуждался» (?!).

«Разрушают только из озорства». Это ответ собеседнику на вопрос об ущербе, причинённом в ноябре Московскому Кремлю.

«Образ творчества: схватить, прокусить. Налимы, видя отражение луны на льду, присасываются ко льду снизу и сосут: прососали, а луна убежала на небо. Налиму выплеснуть-ся до луны». То есть вершины творчества недосыгаемы, предела здесь нет.

В итоге новогодней встречи с мэтром русской поэзии Есенин самоутвердился по отношению к нему и, по его выражению, был готов «загнуть салазки» своему кумиру – занять его место на поэтическом олимпе. Скромностью этот большой поэт не страдал.

В январе Сергей Александрович работал над поэмой «Инония». «Про свою “Инонию”, – вспоминал В.С. Чернявский, – ещё никому не прочитанную, он заговорил со мной однажды на улице как о некоем реально существующем граде и сам рассмеялся моему недоумению:

– Это у меня будет такая поэма... Инония – иная страна».
Не удержался и прочитал первые строфы:

*Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.*

*Время моё приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело¹⁴,
Выплёвываю изо рта.*

*Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звёзд...*

Собеседник Есенина на рубеже 1917–1918 годов часто встречался с поэтом, был своим в его доме и оставил интересные наблюдения за частной жизнью друга.

Семья и литературное окружение. Есенин и Райх жили в доме № 33 по Литейному проспекту – наняли на втором этаже две комнаты с мебелью, окнами во двор.

«Жили они, – вспоминал В.С. Чернявский, – без особенного комфорта (тогда было не до этого), но со своего рода

---

¹⁴ Христово тело – причастие.

домашним укладом и не очень бедно. Сергей много печатался, и ему платили как поэту большого масштаба. И он, и Зинаида Николаевна умели быть, несмотря на начавшуюся голодовку, приветливыми хлебосолами. По всей повадке они были настоящими “молодыми”. Сергею доставляло большое удовольствие повторять рассказ о своём сватовстве, связанном с поездкой на пароходе, о том, как он “окрутился” на лоне северного пейзажа.

Его, тогда ещё не очень избалованного чудесами, восхищала эта неприхотливая романтика и тешило право на простые слова: “У меня есть жена”. Мне впервые открылись в нём чёрточки “избяного хозяина” и главы своего очага. Как-никак тут был его первый личный дом¹⁵, закладка его собственной семьи, и он, играя иногда во внешнюю нелюбовь ко всем “порядкам” и ворча на сковывающие мелочи семейных отношений, внутренне придавал укладу жизни большое значение. Если в его характере и поведении мелькали уже изломы и вспышки, предрекавшие непрочность этих устоев, – их всё-таки нельзя было считать угрожающими.

В требующей, бегучей атмосфере послеоктябрьских дней этот временный кров Сергея и его нежная дружба были притягательны своею несхожестью ни с чем и ни с кем другим».

Обычно Чернявский заходил к другу около полудня. Есенин в это время только вставал. Но иногда Владимир Сте-

---

¹⁵ По-видимому, Чернявский не знал о А.Р. Изрядновой и её ребёнке, отцом которого был Есенин.

панович уже заставлял его за работой; поэт сидел в большой «приёмной» комнате и писал. Поприветствовав гостя, Сергей Александрович начинал распоряжаться:

– Почему самовар не готов?

– Ну, Зинаида, что ты его не кормишь? Ну, налей ему ещё.

Рюрик Ивнев с удивлением отмечал перемену в Есенине – его удовлетворение супругой и домашним бытом:

«Когда Зинаида Николаевна отлучалась на минуту из комнаты, Сергей начинал шутливо говорить мне, подмигивая при этом:

– Ты понимаешь, теперь я женат. Тебе нравится моя жена? Давай, говори, не скрывай – может быть, она тебе не нравится?

По вечерам собирались у небольшого обеденного стола близ печки, в которой пекли “революционную” картошку и ели её с солью. Чаще всего на вечерний чай приходили А.П. Чапыгин, П.В. Орешин и К.А. Соколов. Алексей Павлович был на четверть века старше Есенина. Происходил из крестьянской семьи, многие годы проработал подмастерьем и маляром. С Есениным познакомился в Петрограде в 1915 году, был к этому времени уже известным писателем, автором книги рассказов и повести “Белый скит”. О Есенине говорил:

– Сергей Александрович любил меня, но всегда избегал часто видеться.

Своей автобиографической повести “Жизнь моя” Чапы-

гин предпослал эпиграф: “Посвящаю повесть о прожитых днях памяти моего друга Сергея Есенина”».

В марте 1918 года вышла книга П.В. Орешина «Зарево», чему немало содействовал Есенин, который в короткой рецензии весьма поощрительно откликнулся на неё: «В наши дни, когда “бог смешал все языки”, когда все вчерашние патриоты готовы отречься и проклясть всё то, что искони составляло “родину”, книга эта как-то особенно становится радостной. Даже и боль её, щемящая, как долгая, заунывная русская песня, приятна сердцу, и думы её в чётких и образных строчках рождают милую памяти молитву, ту самую молитву, которую впервые шептали наши уста, едва научившись лепетать: “Отче наш, ижи еси...”».

Но творчески Пётр Васильевич не был близок великому поэту – в стихотворении «Пегасу на Тверской» он осудил имажинистов:

*С Богом! Валяйте тройкой:
Шершеневич, Есенин, Мариенгоф!
Если Мир стал просто помойкой,
То у вас нет стихов!*

Памяти друга Орешин посвятил стихотворения «Сергей Есенин», «Ответ», «На караул» и статью «Великий лирик» (1927), но уже в следующем году заявил об отходе от поэтических традиций, связанных с Есениным:

*Я ухожу,
и не за славой,
Чем дорожил ты,
что берёг...
Прости, родной,
прости, к удрявый, –
Кричу тебе
с других дорог...*

*Прощай, мой лирик,
я отчалил
От старых хижин
и дубов...*

К.А. Соколов был художником. Он приходил по утрам и пытался рисовать Есенина. Работал Константин Алексеевич кропотливо. Он долго не мог найти нужную трактовку форм природы, а Сергей Александрович постоянно сбегал от его карандаша по своим делам. Так Соколов и не успел ничего сделать, кроме нескольких набросков кудрявой головы поэта.

...За чайным столом Есенин, едва положив перо, сосредоточенный и насупленный, читал друзьям только что написанное, при этом тряс головой и бил кулаком по скатерти. Кончив читать, довольный собой, улыбаясь, спрашивал:
– Ну что, нравится?

Но оценки друзей Сергея Александровича нисколько не трогали. На мелкие стилистические поправки ни за что не

соглашался, а, немного подумав, отвечал на замечания хитрой улыбкой: сам, мол, знаю, что хорошо и что не очень. В первые послеоктябрьские месяцы наиболее читаемыми им творениями были Библия и «Слово о полку Игореве». По наблюдениям Чернявского, Есенин уже по собственному почину, крупными шагами шёл навстречу большой интеллектуальной культуре, искал приобщающих к ней людей (тяга к Андрею Белому, Иванову-Разумнику, чтение, правда, очень беспорядочное, поиски теоретических основ, авторство некоторых рецензий и пр.).

Но одновременно именно в эти дни прорастала в нём подспудная потребность распоясать в себе, поднять, укрепить в стихиях этой культуры всё корявое, солёное, мужичье, что было в его дотоле невозмущённой крови, в его ласковой, казалось, не умеющей обидеть «ни зверя, ни человека» природе.

Этот крепкий дёготь бунтующей, неожиданно вскипающей грубости, быть может, брызнул и в личную его жизнь и резко отразился на некоторых её моментах. И причина, и оправдание этой двойственности опять-таки в том, что он и тогда – такой юный и здоровый – был до мучительности, с головы до ног поэт, а «дар поэта – ласкать и карябать».

Дружеские отношения с творческой элитой Сергей Александрович стремился закрепить родственными связями. Андрея Белого пригласил в крёстные отцы дочери, родившейся 11 июня. По объективным причинам не получилось. Крёст-

ным Тани стал В.С. Чернявский. Белый крестил второго ребёнка Есенина от Зинаиды Райх – Константина (Котика).

С большим уважением и любовью относился Сергей Александрович к Р.В. Иванову-Разумнику.

– Иду к Разумнику, – часто слышали от него друзья.

Отношение Есенина к Разумнику Васильевичу наглядно иллюстрирует его признание А.В. Ширяеву, одному из близких ему людей: «Есть, брат, один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим. Это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твёрдая, мыслью он прожжён, и вот у него-то я сам, Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя. На остальных же просто смотреть не хочется».

«Остальные» – это петербургские литераторы-интеллигенты, чуждые поэту из крестьян. Тому же Ширяевцу Есенин писал о них:

«Какой-нибудь эго-Мережковский приподымал бы свою многозначительную перстницу и говорил: гениальный вы человек, Сергей Александрович. Или: Александр Васильевич, стихи ваши изумительны, а образы, какая образность, а потом бы тут же съехал на университет, посоветовал бы попасть туда и, довольный тем, что всё-таки в жизни у него несколько градусов больше при университетской закваске, приподнялся бы вежливо встречу жене и добавил:

– Смотри, милочка, это поэт из низов.

А она бы расширила глазки и, сузив губки, пропела:

– Ах, это вы самый, удивительно, я так много слышала, садитесь.

И почла бы удивляться, почла бы спрашивать, а я бы ей, может быть, начал отвечать и говорить, что корову доят двумя пальцами, когда курица несёт яйцо, ей очень трудно...

Да, брат, сближение наше с ними невозможно. Ведь даже самый лучший из них – Белинский, говоря о Кольцове, писал “мы”, “самоучка”, “низший слой” и др., а эти ещё дурнее. С ними нужно не сближаться, а обтёсывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется. Таков и Блок, таков Городецкий, и все и весь их легион».

Для таких коллег по искусству Есенин выдумывал себя и «подкладывал» всем созданный образ за подлинник.

Поэт легко сходился с людьми, но в большинстве из них быстро разочаровывался. С Ивановым-Разумником был близок до своего трагического конца. В.И. Эрлих оставил потомкам небольшой этюд о последней встрече друзей в Детском Селе:

«Поезд ещё не остановился, но мы соскакиваем на ходу и, с невероятным шумом, перебегаем платформу. Все мы вооружены китайскими трещотками и стараемся шуметь как можно больше. Но, выйдя на улицу, Есенин сразу принимает степенный вид и командует:

– Вот что! Сначала к Разумнику Васильичу! Повзводно! Раз! Два! Да! Чуть не забыл! К нему – со всем уважением, на которое мы способны! Марш!

Через четверть часа мы у Иванова-Разумника. Ласковый хозяин, умно посматривая на нас сквозь пенсне, слушает стихи и сосёт носогрейку.

– Так-с... Так-с... (вдох). Пушкинизм у вас (выдох), друзья мои, самый явный! Ну что ж! (вдох). Это не плохо! (выдох). Совсем не плохо!

Перед уходом Есенин просит его сказать вступительное слово на вечере в Доме учёных.

Хозяин жмёт руку и ласково посапывает:

– Скажу, скажу! Но только для вас, Сергей Александрович! Только для вас!»

Кстати, о А.А. Блоке. При первой встрече с Александром Александровичем с Есенина, по его признанию, от волнения капал пот. Прошло три года, и мэтр русской поэзии стал для него доской, на которой выводить свои узоры призван он – Есенин. Несколько позже Сергей Александрович писал, что Блок, «конечно, не гениальная фигура» и не любит он его как мастера «в нашем языке», ибо он только «по недоразумению русский».

То есть творчески Блок стал Есенину чужд. Но это теоретически. На практике Сергей Александрович продолжал его уважать, да и лирика Блока ему отнюдь не разонравилась.

20 февраля Александр Александрович выступал в Технологическом институте. Он читал «Незнакомку», «На железной дороге», «Прошли года», «Соловьиный сад» и «В ресторане».

«Во время чтения, – вспоминал современник, – Блок стоял, слегка прислонившись к колонне, с высоко поднятой головой, в военном френче. Читал он спокойным голосом, выразительно, но без всяких выкриков отдельных слов. Он был бледен и, по-видимому, утомлён¹⁶. Сидевший рядом со мной в одном из первых рядов Есенин любовно поглядывал на Блока, иногда пытливо посматривал и на меня, желая узнать моё впечатление. Один раз он не выдержал и шепнул мне на ухо:

– Хорош Блок!

По окончании вечера Блока окружила большая толпа его почитателей, которая постепенно рассеивалась. Есенин и П.А. Кузько, его хороший знакомый, решили для безопасности проводить Блока и его супругу до дома. Пётр Авдеевич говорил позднее:

– По каким улицам мы шли, я сейчас не помню, я ещё тогда мало знал Петроград. Одно время шли по какой-то набережной, прошли по железному мостику.

Когда постепенно разговорились, Есенин сказал Блоку, что я член коллегии Комиссариата продовольствия и литературный критик, написавший о нём статью в далёком Екатеринодаре, “где живёт брат Городецкого”, – пояснил Сергей Александрович. Поговорив немного о заградительных отрядах Наркомпрода и о продовольственном положении Петро-

---

¹⁶ В дневнике Блок записал: «Вечер в столовой Технологического института: 9 1/2–12 часов, меня выпили».

града, мы коснулись и вопроса об отношении интеллигенции к революции. Блок оживился. Это было время, когда он написал свою знаменитую поэму “Двенадцать”. Все его мысли в это время были сосредоточены на вопросе об отношении интеллигенции к революции. Вопрос этот был тогда очень злободневным, тревожащим всех».

С Кузько Сергей Александрович познакомился через жёну.

С января 1918 года З.Н. Райх работала машинисткой в Народном комиссариате продовольствия. Как-то она подошла к Петру Авдеевичу и спросила:

– Товарищ Кузько, не писали ли вы когда-нибудь в газете о поэте Сергее Есенине?

Пётр Авдеевич ответил, что писал, работая в екатеринодарской газете «Кубанская мысль». Радостно улыбаясь, Зинаида Николаевна протянула Кузько руку и сказала, что она жена Есенина. Вечером Пётр Авдеевич был у поэта.

«Сергей Александрович, – вспоминал он, – встретил меня очень приветливо. Был он совсем молодым человеком, почти юношей. Blondинистые волосы лежали на голове небрежными кудряшками, слегка ниспадая на лоб. Он был строен и худощав.

Беседуя, мы вспомнили с ним о моей статье в “Кубанской мысли” и о его стихотворении “Плясунья”. Вспомнили и о Сергее Городецком.

Беседа наша затянулась допоздна. Разговор шёл главным

образом о поэзии и известных поэтах того времени. Деталей разговора я, конечно, не помню. Когда я собрался уходить, Сергей Александрович встал из-за стола, взял с книжной полки книжечку и, сделав на ней надпись, протянул её мне.

– Это вам в подарок.

Книжечка была “Исус-младенец”. Обложка её разрисована красками. Отвернув обложку, я увидел надпись: “Петру Авдеевичу за тёплые и приветливые слова первых моих шагов. Сергей Есенин. 1918”».

В свой следующий визит Кузько принёс номер газеты «Кубанская мысль» от 29 ноября 1915 года со своей статьёй «О поэтах из народа. Сергей Есенин». В ней он писал: «Мы имеем ещё очень мало стихов Есенина, и они разбросаны по периодическим изданиям, но то, что есть, уже даёт возможность говорить о значительности и силе поэтического таланта этого юноши, поэта-крестьянина, с золотистыми кудрями и светлой искренней улыбкой. И если в поэзии Клюева в первый период его развития горел огонь религиозного сознания, то в поэзии Есенина уже чувствуется загорающееся пламя любви к родине».

Мысль автора статьи подтверждалась стихотворением Есенина «Плясунья»: ...Для этого переломного времени (рубеж 1917–1918 годов) характерно стремление Есенина сблизиться, войти в контакт с людьми, близкими к власти, узнать от них что-то о новых вершителях судеб народов. П.А. Кузь-

ко рассказывал о них Сергею Александровичу, и тот с жадностью ловил каждое его слово.

С. Есенин и З. Райх, шоль 1917 г.

*Ты играй, гармонь, под трензель,
Отсытай, плясунья, дробь!
На платке краснеет вензель,*

Знай прищёлкивай, не робь!

*Парень бравый, синеглазый
Загляделся не на смех.
Веселы твои проказы,
Зарукавник – словно снег.*

*Улыбаются старушки,
Приседают старики.
Смотрят с завистью подружки
На шелковы косники.*

*Веселись, пляши угарней,
Развевай кайму фаты.
Завтра вечером от парней
Придут свахи и сваты.*

– По характеру своей работы в Комиссариате продовольствия, – говорил Пётр Авдеевич, – я уже побывал раза два или три в Смольном – в Совнаркоме, где мне посчастливилось вблизи видеть и слышать Ленина. Я не мог не поделиться с Сергеем Александровичем своей радостью. Он с большим интересом стал расспрашивать меня: как выглядит Ленин, как говорит, как держится с людьми? Я ему рассказал о Ленине всё, что сам мог тогда подметить во время напряжённых деловых заседаний.

Как увидит читатель дальше, эти рассказы не пропали втуне.

Своё трёхлетнее пребывание в Петрограде Есенин завершил публикацией в газете «Вечерняя звезда» стихотворения весьма близкого по стилю и содержанию его маленьким поэмам:

*Тучи с озерёба
Ржут, как сто кобыл,
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.*

*Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.*

*Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.*

*Новое восславят
Рождество поля,
И, как пёс, пролает
За горой заря.*

*Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,*

*Отрекутся люди
Славить новый лик.*

*Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щёк заката
Спрыгнут скулы-дни.*

В возрождённой столице. 12 марта¹⁷ 1918 года Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин въехал в Кремль. Москва вновь получила статус столицы. Случилось это в первую годовщину Февральской революции, которая произошла 27 февраля (по старому стилю). Вождь большевиков любил символику.

Год демократии и свобод, захлестнувших Россию! «Русские ведомости» отмечали его «достижения»: потеряны Украина, Польша, Прибалтийский край, Финляндия и часть закавказских территорий с 50 миллионами народонаселения. В «Новом слове» П.А. Ашевский иронически отвечал на вопрос, что от чего осталось: «от царя – распутинские анекдоты», «от великой России – приятные воспоминания», «от Учредительного собрания – рожки да ножки», «от русской армии – Крыленко», «от русского флота – “нелюдимо наше море”», «от солдат – мешочки», «от офицеров – намогильные кресты и другие знаки отличий», «от гражданина – панихиды», «от семи повешенных – семь расстрелян-

---

¹⁷ По новому стилю.

ных». Во что превратилась жизнь? «В каторгу. Каторга – в господствующее сословие. Война – в мир. Мир – в войну. Законы – в декреты. Суды – в самосуды...»

Большую часть этого года (март – октябрь) властвовало Временное правительство, которое полностью дискредитировало себя. Не внушали доверие и большевики, нахрапом перехватившие власть 7 ноября 1917 года. Максим Горький, снискавший звание буреветника революции, писал в своей газете «Новая жизнь»: «С сегодняшнего дня¹⁸ даже для самого наивного простеца становится ясно, что не только о каком-нибудь мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов, ради продления ещё на несколько недель агонии своего гибнущего самодержавия готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых».

Трудно было сказать что-то положительное о государстве, которое погружалось в хаос распада и дикости. И.А. Бунин на третий день после переезда советского правительства в Москву писал:

«Новая литературная низость, ниже которой падать, ка-

---

¹⁸ 6 (19) февраля 1918 года – апогей переговоров с Германией, приведших к Брестскому миру.

жется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то “Музыкальная табакерка” – сидят спекулянты, шулеры, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алёша Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал “Гавриладиу”, произнося всё, что заменено многоточиями, полностью.

Читал о стоящих на дне моря трупах, – убитые, утопленные офицеры. А тут “Музыкальная табакерка”».

Вот в этот раздрай и неразбериху в общественной жизни возвратился в Москву С.А. Есенин и без тени смущения заявил:

*Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!*

*Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.*

Весной 1918 года в это мало кто верил. О. Леонидов писал в журнале «Свободный час» (1919; № 8): «Г-жа Есенина, хотя и терпеливая, но вряд ли дожждётся того момента, когда её сын прославится». Тогда же журнал «Гудки» утверждал: «Нет, знаменитым поэтом Есенин не стал».

...3. Райх работала в Народном комиссариате продовольствия. В Москву приехала с правительством, Сергей Александрович – несколько позже. В это время он сблизился с рядом представителей новой власти. В автобиографии «О себе» (1925) Есенин писал: «В начале 1918 года я твёрдо почувствовал, что связь со старым миром порвана...»

Супруги жили в какой-то гостинице на Тверской. Зинаида Гейман, дочь видного большевика и подруга Райх, вспоминала:

«У них было неуютно, мрачно, по-богемному. У нас роскошно, номер в две комнаты и ванна, свой телефон, бархатная скатерть на круглом столе, который покрывался белоснежной полотняной тонкой скатертью, когда официант приносил блестящий металлический чайный сервиз. Словом, было уютно, и к нам вечерами часто приходил Есенин с Зинаидой.

Она беременна Татьяной. В чёрном платье с высоким воротом. Он в сереньком костюме с галстуком-бантиком, приносил балалайку, пел и читал стихи. Тогда жилось впроголодь, но мы получали паёк – чёрный хлеб и сахар у нас были вдоволь, и мы их угощали».

При переводе правительства в Москву членов Совнаркома и их семьи поселили на Тверской. В гостинице «Красный флот» (бывшая «Лоскутная»), которая находилась на Манежной площади, жил один из сотрудников Цюрупы П.А. Кузько. Есенин познакомился с ним в Петрограде и продол-

жал встречаться в Москве. Пётр Авдеевич вспоминал:

«Когда Есенин заходил ко мне в “Лоскутную”, он говорил: – Пётр Авдеевич, а я написал новое стихотворение. Прочитать?»

Я, конечно, выражал желание прослушать новое стихотворение и, усевшись за стол, клал перед собой чистый лист бумаги и карандаш. Обычно записанные мною стихотворения я передавал на машинку у себя в канцелярии Зинаиде Николаевне.

Когда Есенин прочитал у меня в “Лоскутной” “Инонию”, она произвела на меня очень сильное впечатление.

Нужно сказать, что о поэзии мы в то время разговаривали очень мало, а если и говорили, то только о стихотворениях Есенина. Темой наших разговоров в это время были Октябрьская революция, её значение и, конечно, Ленин.

Одной из постоянных тем нашего разговора была продовольственная политика Наркомпрода, и Есенин часто спорил со мною, защищая мешочничество и ругая заградительные отряды. Есенин не всегда понимал жёсткую продовольственную политику большевиков, его очень тревожило положение страны – голод, разруха».

Кузько был не только чиновником, но и литератором, поэтому охотно помогал Сергею Александровичу: в канцелярии Цюрупы были отпечатаны поэмы «Пантократор» и «Сельский часослов». Поэму «Инония» Пётр Авдеевич записал собственноручно. Поэма была напечатана в мае и до-

ставила автору немало хлопот. «За мной утвердилась кличка хулигана», – говорил по этому поводу Есенин. Это ещё мягко сказано. Читайте:

*Тело, Христово тело,
Выплёвываю изо рта.*

<...>

Даже Богу я выщиплю бороду...

<...>

*Языком вылизжу на иконах я
Лики мучеников и святых.*

<...>

*Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы...*

И это писалось в стране, где подавляющая часть населения была верующей, для них эти «перлы» были не хулиганством, а святотатством. А вот для новых властителей – то, что надо. Спасали поэму её заключительные строфы, как бы примирявшие верующих и атеистов:

*Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.*

Радуйся, Сионе¹⁹,

---

¹⁹ Сион – в Библии: «святая гора», «град Бога живого».

*Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.*

*Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!*

«Инония» – поэма о иной стране, о стране крестьянского рая. Она вошла в цикл на тему «Россия и революция». А. Марченко, исследовательница творчества Есенина, так оценивала этот цикл: «Ни одно из созданных в те годы поэтических произведений, включая “Двенадцать” Блока, не может соперничать с этой уникальной вещью по части органического сродства с мужицкой стихией, разбуженной эпохой войн и революций».

...Как-то Есенин попал в большую компанию московских писателей. В.Ф. Ходасевич писал позднее об этом следующее:

«Помню такую историю. Весной 1918 года один известный беллетрист, душа широкая, но не мудрая, вздумал справлять именины. Созвал всю Москву литературную:

– Сами приходите и вообще публику приводите.

Собралось человек сорок, если не больше. Пришёл и Есенин. Привёл бородатого брюнета в кожаной куртке. Брюнет прислушивался к беседам. Порою вставлял словцо – и не

глупое. Была в числе гостей поэтесса К. Приглянулась она Есенину. Стал ухаживать. Захотел щегольнуть – и просто-душно предложил поэтессе:

– А хотите поглядеть, как расстреливают? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою».

Под пером И.А. Бунина этот рассказ получил такую интерпретацию: «У Есенина, в числе прочих способов оболыщать девиц, был и такой: он предлагал девице посмотреть расстрелы в Чека – я, мол, для вас легко могу устроить это».

Эти и подобные байки, порождённые в среде русских эмигрантов, Есенин услышал во время своего заграничного путешествия в 1922–1923 годах и ответил на них в стихотворении «Я обманывать себя не стану...»:

*Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам...*

Но мы несколько забежали вперёд, а здесь нужно отметить, чем важно было посещение Есениным известного писателя именно в 1918 году. Он не затерялся среди сорока других московских литераторов, его и заметили, и выделили среди этих сорока.

В гостинице на Тверской Есенин и Райх пребывали недолго: приближался срок родов Зинаиды Николаевны, и она уехала в Орёл, к отцу и матери, а Сергей Александрович пе-

ребрался к отцу (Б. Строченовский переулоч, 24).

11 июня Райх родила девочку, назвали её Таней. Сергей Александрович, получив извещение о том, что стал отцом второго ребёнка, поспешил в... Нет, не в Орёл, а в Константиново, ибо там, по выражению сестры поэта Кати, «творилось бог знает что». Да и Л. Кашину хотелось повидать.

Прибыл вовремя: спас её имение от разграбления, но от конфискации не уберёг. В Москву возвращались вместе и расставаться не торопились. Андрею Белому Есенин сообщал, что лежит «совсем расслабленный» в постели, и указывал свой адрес: «Скатерный переулоч, дом 20, Лидии Ивановне Кашиной для С. Е.».

На Воздвиженке. В столицу Есенин вернулся 22 сентября. Приют нашёл в доме Пролеткульта на Воздвиженке, откуда по старой памяти заезживал в «Лоскутную». Пётр Авдеевич был рад этим визитам.

«Как-то во время одной из наших бесед, – вспоминал Кузько, – я рассказал Есенину о том, какую огромную организаторскую работу по снабжению населения продуктами первой необходимости выполняет А.Д. Цюрупа и его коллегия и как скромно живут нарком и его помощники. Народный комиссар продовольствия А.Д. Цюрупа обедал вместе со своими сослуживцами в наркомпродовской столовой (бывший ресторан Мартьяныча в том же здании в Торговых рядах), причём частенько без хлеба.

Есенин попросил познакомить его с Цюрупой. Будучи

секретарём коллегии, я легко устроил эту встречу.

Цюрупа был внимателен и приветлив с Есениным. Во время короткого разговора Цюрупа сказал, что он рад познакомиться с поэтом, что он о нём слышал и читал некоторые его стихотворения, которые ему понравились. При прощании Александр Дмитриевич просил передать привет Зинаиде Николаевне, которая в это время уже не работала в комиссариате. Сергей Александрович был очень доволен этим свиданием.

По характеру своей работы мне приходилось бывать в кабинете у Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, который иногда беседовал со мной о положении продовольственного дела на местах и о крестьянстве. Однажды мы заговорили и о Есенине. Я рассказал Якову Михайловичу о своём знакомстве с поэтом. Оказалось, что Свердлов знал о Есенине и ценил его талант, хотя ему не нравилось есенинское преклонение перед патриархальной Русью».

Да, в первый год существования советской власти Есенин был настроен весьма сочувственно по отношению к ней и её представителям. Поэт Пётр Орешин писал об этом периоде его жизни: «Для Есенина эта весна и этот год были исключительно счастливыми временами. О нём говорили на всех перекрёстках литературы того времени. Каждое его стихотворение находило отклик. На каждое обрушивались потоки похвал и ругательств. Есенин работал неутомимо, развивался и расцветал своим великолепным талантом и необычно-

венной силой».

Сергей Александрович жил в доме № 16 – в причудливом особняке мавританского стиля, частично скопированного с португальского замка Пена в Синтра. До революции владение принадлежало А.А. Морозову. Картину строительства этого «глупого, ненужного дворца какому-то глупому и ненужному человеку» нарисовал Л.Н. Толстой в XII главе романа «Воскресение». С мая 1918 года здание занимали различные организации Пролеткульта. Осенью Есенин работал совместно с М.П. Герасимовым, заведующим литературным отделом московского Пролеткульта. Для жилья Михаилу Прокофьевичу была предоставлена в «мавританском» особняке ванная комната. Это было большое светлое помещение с декадентской росписью на стенах. Вот в нём и творил три-четыре месяца Сергей Александрович.

Первой совместной работой сожителей стала «Кантата», написанная по просьбе скульптора С.Т. Конёнкова. Это произведение создавалось к открытию мемориальной доски на Кремлёвской стене в память о героях революции.

«Кантата» состоит из трёх частей. Первая часть принадлежит М.П. Герасимову, третья – С.А. Клычкову, вторая – С.А. Есенину:

*Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.*

*Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.*

*Солнце золотою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.*

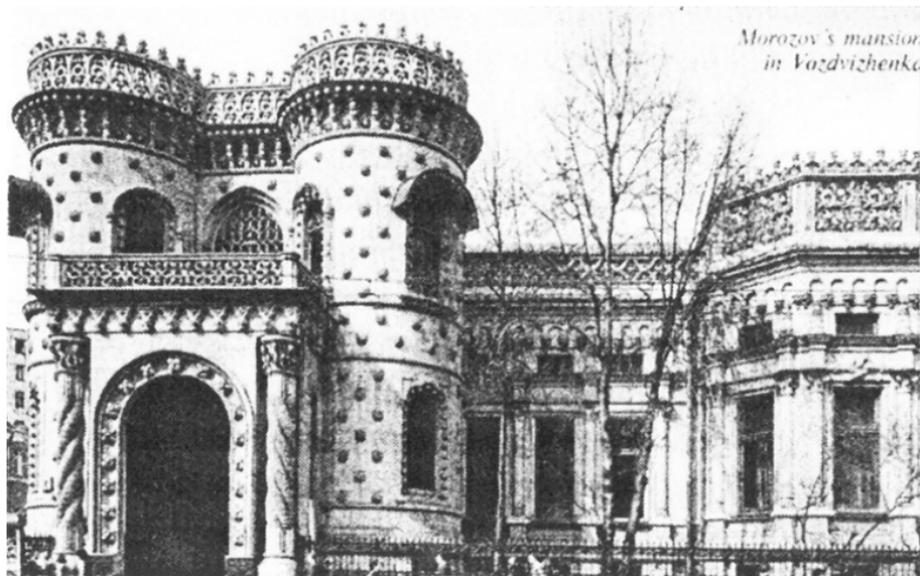
В октябре и ноябре Есенин принимал участие в работе над сценарием «Зовущие зори». Его соавторами были М.П. Герасимов, С.А. Клычков и Н.А. Павлович. Сценарий был для поэта попыткой сближения с пролетарскими литераторами. Не получилось (в творческом плане).

Когда работа над сценарием была окончена, Есенин переехал в другое помещение «мавританского» дома. О нём мы находим упоминание в воспоминаниях журналиста Л.И. Повицкого. Как-то, бродя по широким коридорам особняка, он встретился на лестнице с поэтом С.А. Клычковым. Сергея Антоновича Повицкий знал. Тот остановился и, кивнув на рядом с ним стоявшего парня в длинной поддёвке, сказал: – Мой друг – Сергей Есенин.

Рядом с высоким, с резко выраженными чертами лица Клычковым Есенин, худощавый и небольшого роста, казал-

ся подростком. Он улыбнулся и певуче произнёс:

– Сергей Антонович меня здесь приютил. – И указал куда-то вверх.

Особняк А. Морозова

Повицкий заглянул к поэтам: «Они ютились в получердачном помещении, под самой крышей. Большая, с низким потолком комната была вся уставлена сборной мебелью: столами, тумбами, табуретками и мелкой древесной всячиной. Комната служила складочным местом для ненужного хлама».

Через некоторое время Есенин и Клычков побывали у Л.И. Повицкого. Лев Иосифович жил на Петровских Лини-

ях. Поговорив с гостями, он пошёл на кухню. Вскоре вернулся за сливочным маслом. В буфете его не оказалось. Обернувшись к гостям, Повицкий смущённо сказал:

– Извините, масла не найду...

Оба поэта прыснули со смеху.

– А мы не выдержали, съели всё без остатка, – признался Есенин.

– Как съели, ведь в буфете хлеба не было?

– А мы его без хлеба, ничего – вкусно! – подтвердили оба и долго хохотали, любуясь смущённым хозяином.

Москва голодала. Райх писала из Орла 22 ноября А. Белому: «Посылаю вам коврижку хлеба. Если увидите Серёжу скоро – поделитесь с ним».

После рождения дочери Зинаида Николаевна не сидела на шее родителей. Сначала устроилась инспектором Орловского наркомпроса. Затем – заведующей секцией окружного военного комиссариата. Следом – заведующей красноармейским клубом. Словом, могла иногда побаловать супруга хлебушком. Получал оный Сергей Александрович и из родного Константинова.

Мариенгоф. В начале сентября из Пензы в Москву перебрался молодой поэт Анатолий Мариенгоф. Первые недели пребывания в столице жил во «Втором Доме Советов» (гостиница «Метрополь») и был преисполнен необычайной гордости: повезло. Ещё бы, при входе в здание матрос с винтовкой, в вестибюле за столом – красноармеец с браунингом вы-

даёт пропуск, отбирают его уже два красноармейца. Вечером воздушное существо в белом кружевном фартучке принесло чай. И всё это благодаря двоюродному брату Борису.

Около двенадцати ночи в номер вбежал маленький быстрый человек со светлыми глазами, светлыми волосами и короткой бородкой клинышком. Глаза его весело прыгали и остановились на стопке книг, лежавших на углу стола. На обложке верхней было оттиснуто «Исход» и изображён некто звероподобный, уносящий в призрачную даль распустившуюся розу. Незнакомец раскрыл книгу и прочёл:

Милая,

Нежности ты моей

Побудь сегодня козлом отпущения.

Трёхстишие принадлежало Мариенгофу и именовалось им поэмой, которая, по его мнению, превосходила своей правдивостью и художественной силой все образы любви, созданные мировой литературой. Негодованию молодого поэта не было предела, когда незванный гость разразился смехом, громким и непристойным, воскликнув к тому же:

– Это замечательно! Я ещё никогда в жизни не читал подобной ерунды.

На это признание Борис ткнул пальцем в сторону брата:

– А вот и автор.

Незнакомец дружески протянул поэту руку. Когда он ушёл, унося с собой первый альманах имажинистов, Анатолий, дрожа от гнева, спросил брата:

– Кто этот идиот?

– Бухарин! – коротко ответил Борис.

К удивлению Мариенгофа, в тот памятный вечер решилась его судьба; он стал литературным секретарём издательства Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов.

Издательство размещалось в здании на углу Тверской и Моховой улиц. Из окна Анатолий наблюдал за первой из них: «По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано:

“Мы требуем массового террора”».

Неожиданно кто-то легонько тронул ответственного работника за плечо:

– Скажите, товарищ, могу я пройти к заведующему издательством Константину Степановичу Еремееву?

У стола стоял паренёк в светлой синей поддёвке, под ней – шёлковая рубашка. Волнистые светлые волосы с золотым отливом. Большой завиток падал на лоб и придавал незнакомцу нечто провинциальное. Но голубые глаза, по едкому замечанию Мариенгофа, делали лицо умнее и завитка, и синей поддёвочки, и вышитого, как русское полотенце, ворота шёлковой рубашки.

– Скажите товарищу Еремееву, – продолжал обладатель хороших глаз, – что его спрашивает Есенин.

Молодые поэты быстро сдружились. По заверениям Мариенгофа, Сергей каждый день приходил к нему в издательство. На стол, заваленный рукописями, он клал свёрток (тюречок) с... солёными огурцами. На стол бежали струйки рассола, которые фиолетовыми пятнами расползались по рукописям. Есенин поучал младшего собрата по перу:

– С бухты-барахты не след идти в русскую литературу. Трудно тебе будет, Толя, в лаковых ботинках и с пробором волос к волоску. Как можно без поэтической рассеянности? Разве витают под облаками в брюках из-под утюга! Кто этому поверит? Вот смотри – Белый. Волос уже седой, и лысина величиной с вольфовского однотоминого Пушкина, а перед

кухаркой своей, что исподники ему стирает, и то вдохновенным ходит. А ещё очень невредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят...

Шутом Мариенгоф не хотел быть и решительно возражал.

Сергей смеялся на резоны приятеля и переводил разговор на себя:

– Тут, брат, дело надо вести хитро. Пусть каждый считает: я его в русскую литературу ввёл. Им приятно, а мне наплевать. Городецкий ввёл? Ввёл. Клюев ввёл? Ввёл. Сологуб с Чеботаревской ввели? Ввели. Одним словом, и Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Ивнев...

Благодарности к своим ранним покровителям Есенин не испытывал. Приятель удивлялся, а Сергей выдавал сокровенное, спрятанное от чужих глаз:

– Таскали меня недели три по салонам – похабные частушки распевать под тальянку. Для виду сперва стишки попросят. Прочту два-три – в кулак прячут позевотину, а вот похабщину хоть всю ночь зажаривай... Ух, уж и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусихами!

Уже зная, что его новый друг склонен всё преувеличивать, Мариенгоф уточнял: так уж и всех? И Есенин вносил коррективы в свои откровения:

– Рюрик Ивнев... к нему я первому из поэтов подошёл. Скосил он на меня, помню, лорнет, и не успел я ещё стишка в двенадцать строчек прочесть, а уже он тоненьким таким голосочком: «Ах, как замечательно! Ах, как гениально!» –

и, ухватив меня под руку, поволок от знаменитости к знаменитости, свои «ахи» расточая тоненьким голоском. Сам же я – скромного, можно сказать, скромнее. От каждой похвалы краснею, как девушка, и в глаза никому не гляжу. Потеха!

Хорошо отзывался Есенин о А. Блоке, отдавал должное Н. Клюеву и другим. Словом, неблагодарным не был, хотя временами его, что называется, заносило. И это дало Мариенгофу повод написать в «Романе без вранья»: «Есенин никого не любил, и все любили Есенина». Выражаясь осторожно, спорное заключение.

Тяжёлые бытовые условия не стали неодолимым препятствием для творческой деятельности поэта. За бурные и тревожные 1917–1918 годы Есенин написал три десятка стихотворений и одиннадцать маленьких поэм: «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор». Главная мысль, которая связывает эти произведения в одном цикле, была сформулирована автором уже в поэме «Певущий зов»: «Не губить пришли мы в мире, а любить и верить».

Писательская коммуна. В самый разгар холодов зимы 1918/19 годов Есенину пришла мысль образовать коммуны писателей и поэтов с целью добиться для них тёплого помещения, обнаруженного им в Козицком переулке. В коммуны вошли: сам Сергей Александрович, С. Гусев-Оренбург-

ский, Р. Ивнев, Б. Тимофеев и другие. Моссовет выделил им пятикомнатную квартиру с паровым отоплением, и жизнь «коммунаров» началась. По воспоминаниям Рюрика Ивнева, началась она нашествием друзей, приятелей и знакомых членов коммуны. Словом, пыль столбом и море разливное спиртного.

«Надо упомянуть, – отмечал Ивнев, – что в ту пору Есенин был равнодушен к вину, то есть у него совершенно не было болезненной потребности пить, как это было у большинства наших гостей и особенно у милейшего и добрейшего Ивана Сергеевича Рукавишников. Есенина просто забавляла эта игра в богему. Ему нравилось наблюдать тот ералаш, который поднимали подвыпившие гости. Он смеялся, острил, притворялся пьяным, умышленно поддакивал чепухе, которую несли потерявшие душевное равновесие собутыльники. Он мало пил и много веселился, тогда как другие много пили и под конец впадали в уныние и засыпали.

Второй и третий день ничем не отличались от первого. Гости и разговоры, разговоры и гости и, конечно, опять вино. Четвёртый день внёс существенное „дополнение“ к нашему времяпрепровождению: одна треть гостей осталась ночевать, так как на дворе стоял трескучий мороз, трамваи не ходили, а такси тогда не существовало».

Словом, работать было невозможно, и это угнетало Ивнева:

«Есенин заметил моё „упадническое“ настроение и как

мог утешал меня, что волна гостей скоро спадёт и мы „засядем за работу“. При этом он так хитро улыбался, что я понимал, насколько он сам не верит тому, о чём говорит. Я делал вид, что верю ему, и думал о моей покинутой комнате, но тут же вспоминал стакан со льдом вместо воды, который замечал прежде всего, как только просыпался утром, и на время успокаивался. Прошло ещё несколько шумных дней. Как-то пришёл Иван Рукавишников. И вот в три часа ночи, когда я уже спал, его приносят в мою комнату мертвецки пьяного и говорят, что единственное „свободное место“ в пятикомнатной квартире – это моя кровать, на остальных же – застрявшие с вечера гости. Я завернулся в одеяло и эвакуировался в коридор. Есенин сжалился надо мной, повёл в свою комнату, хохоча, спихнул кого-то со своей койки и уложил меня около себя.

На другой день, когда все гости разошлись и мы остались вдвоём, мы вдруг решили написать друг другу акrostихи. В квартире было тихо, тепло, тишайший Гусев-Оренбургский пил в своей комнате свой излюбленный чай. Никто нам не мешал, и вскоре мы обменялись листками со стихами. Вот при каких обстоятельствах „родился“ акrostих Есенина, посвящённый мне. Это было 21 января 1919 года. Вот почему Есенин к дате добавил „утро“».

*Радость, как плотвица быстрая,
Юрко светит и в воде.*

*Руки могут церковь выстроить
И кукушке и звезде.
Кайся нивам и черёмухам, –
У живущих нет грехов.
Из удачи зыбы промаха
Воют только на коров.
Не зови себя разбойником,
Если ж чист, так падай в грязь.
Верь – телёнку из подойника
Улыбается карась.*

На десятый день Р. Ивнев всё же сбежал из тёплой квартиры в свой «ледник». Есенину повезло больше – чудом попал в элитную гостиницу.

Вечера в гостинице «Люкс». В конце января Есенин и А.Б. Мариенгоф оказались без крыши над головой. Анатолий Борисович вспоминал:

– Мы ночевали у друзей, мужчин и женщин, в непонятно за кем числящихся номерах гостиницы «Европа», в поезде нашего приятеля Малабуха, в номере Георгия Устинова в гостинице «Люкс», короче говоря, где только придётся.

Г.Ф. Устинов был ответственным работником «Центропечати» и автором первой книги о Троцком, которого вознёс до небес: «джентльмен революции», «горьковский Данко», «пламенная карающая десница революции», «пламенный революционный трибун», «экстракт организованной воли». Крайне негативную характеристику Георгию Феофанову

вичу дал В.И. Кузнецов, автор исследования «Сергей Есенин: тайна смерти»: «Устинов – слепой фанатик и честолюбец – всецело во власти того, кто его пригрел, дал ему возможность уверовать в свой художественный и публицистический талант. Устинов сопровождал наркомвоенмора в специальном поезде, наводившем ужас на красноармейцев своими расстрельными рейсами. Выполнял в “Поезде Троцкого” обязанность ответственного секретаря газеты “В пути”».

Есенина Устинов впервые увидел осенью 1918 года на одном из литературных собраний издательства ВЦИК. Его удивило неожиданное появление никому не известного желтоволосого мальчика в поддёвке и сапогах бутылками, который ласково и застенчиво всем улыбался и выступил со странным заявлением:

– Революция – это ворон, которого мы выпускаем из своей головы в разведку.

Вскоре состоялось и их знакомство. Произошло оно в столовой на Тверской, напротив кафе «Алатра». В нём собирались самые бедные писатели, поэты, журналисты.

– В этой литературной столовке с кониной, жилами которой можно было бы засупонивать хомут, мы ежедневно кормились лошадиной полупадалью и протухшими сушёными овощами. Изредка, как редкую роскошь, получали маленький скроек чёрного хлеба, усатого, как унтер-офицер. С этой столовой началось наше знакомство с Сергеем Есениным, перешедшее затем в тёплую сдержанную дружбу.

В «сдержанную»! То есть истинной дружбы «нараспашку», как говорил поэт, не было. Что-то настораживало Сергея Александровича в Устинове, хотя он относился к нему очень положительно и помогал в публикации его произведений, да и с жильём помог в зиму 1918/19 годов.

– Мы жили вдвоём, – вспоминал Георгий Феофанович. – И во всех сутках не было одного часа, чтобы мы были порознь. Утром я шёл в «Центропечать», где заведовал лекционным отделом. Есенин сидел у меня в кабинете и читал, а иногда что-нибудь писал. Около двух часов мы шли работать в «Правду», где я был заведующим редакцией. Есенин сидел со мною в комнатке и почитывал все газеты, которые мне полагались.

Вечером, кончив работу, мы шли обедать в случайно обнаруженную «нелегальную» столовку на Среднем Гнездиновском, ели сносный суп, иногда даже котлеты – самые настоящие котлеты, за которые платили слишком дорого для наших тогдашних заработков.

После вечерней трапезы друзья шли «домой». Домом для них была гостиница «Люкс» (будущая «Центральная») на Тверской. Вечера проходили в бесконечных разговорах обо всём: о литературе и поэтах, о политике, о революции и её вождах, впадая при этом в крайнюю метафизику²⁰, ассоциировали землю с женским началом, а солнце – с мужским,

---

²⁰ *Метафизика* – учение о духовных началах бытия и предметах, недоступных чувственному опыту (о Боге, душе и прочем).

бросались мирами в космосе, как дети мячиком, и дошли до того, что я однажды в редакции пустился в спор с Н.И. Бухариным, защищая нашу с Есениным метафизическую теорию. Бухарин хохотал, как школьник, а я сердился на его «непонимание». Убедившись, что у меня «вывихнулись мозги», Бухарин сказал:

– Ваша метафизика не нова, это мальчишеская теория, пуганица, чепуха. Надо посерьёзнее заняться Марксом...

В споре участвовал недавний председатель Высшего совета народного хозяйства В.В. Оболенский. Он принял сторону Устинова и Есенина, снисходительно отнес их метафизику как поэтическую теорию, вполне допустимую... только не для серьёзных людей, а для поэтов. На это Сергей Александрович заявил:

– Кому что как кажется. Мне, например, месяц кажется барашком.

Вскоре «ряды» метафизиков пополнились писателем С.И. Гусевым-Оренбургским. Обычно он сидел на диване, тихо наигрывая на гитаре, а Устинов с Есениным ходили по комнате и разговаривали:

– Женщина есть земное начало, но ум у неё во власти луны, – говорил Есенин. – У женщины лунное чувство. Влияние луны начинается от живота книзу. Верхняя половина человека подчинена влиянию солнца. Мужчина есть солнечное начало, ум его от солнца, а не от чувства, не от луны. Между землёй и солнцем на протяжении миллиардов веков про-

исходит борьба. Борьба между мужчиной и женщиной есть борьба между чувством и разумом, борьба двух начал – солнечного и земного...

– Когда солнце пускает на землю молнию и гром, это значит – солнце смиряет землю...

– Да, да. Это удивительно верно, – восторженно говорит Есенин. – Деревня есть женское начало, земное, город – солнечное. Солнце внушило городу мысль изобрести громоотвод, чтобы оно могло смирать землю, не опасаясь потревожить город. Во всём есть высший разум.

...Худо-бедно, но зиму москвичи выдержали, дождались весны. Потеплело, на тротуарах наледь, с крыш капает, кое-где большие лужи. Устинов и Есенин, как обычно, шли утром в «Центропечать» «послужить».

«Есенин был молчалив, – вспоминал Георгий Феофанович, – он о чём-то сосредоточенно думал.

– О чём это ты?

– Да вот, понимаешь ли, ассонанс... Никак не могу подобрать. Мне нужен ассонанс²¹ к слову “лопайте”.

Мы подходили к “Центропечати”. И как раз на той ледяной луже, которая образовалась от центропечатской водосточной трубы, Есенин поскользнулся и сел в лужу среди тротуара.

– Нашёл! – кричит он, сидя в ледяной мокроте и хохоча

---

²¹ *Ассонанс* – неточная рифма, в которой созвучны только гласные. *Консонанс* – рифма с различными ударными гласными.

на всю Тверскую. – Нашёл!

И когда мы поднимались по лестнице в “Центропечати”, он мне продекламирровал:

– Слушай, вот он – ассонанс, вернее – консонанс:

Нате, возьмите, лопайте

Души моей чернозём.

Бог придавил нас ж...ой,

А мы её солнцем зовём...»

Лучшее время жизни. В январе 1919 года в журнале «Сирена» (Воронеж) была опубликована «Декларация» имажинистов. В феврале её перепечатала газета «Советская страна».

Имажинизм стал новым литературным направлением. Смысл его был сформулирован в «Декларации» в следующих словах: «Образ, и только образ... Всякое содержание в художественном произведении глупо и бессмысленно, как наклейка из газет на картины». Эта мысль принадлежала А.Б. Мариенгофу. Есенин не совсем разделял её, но ради компании «Декларацию» подписал. Кроме него и Мариенгофа под ней стояли подписи Рюрика Ивнева, Вадима Шершеневича, художников Бориса Эрдмана и Георгия Якулова.

Имажинисты заявили о себе шумно и дерзко. В ночь с 27 на 28 мая они расписали стены Страстного монастыря. Газета «Известия ВЦИК» писала об этом: «28 мая утром на стенах Страстного монастыря объявились глазам москвичей но-

вые письма «весьма весёлого» содержания: «Господи, отелись!», «Граждане, бельё исподнее меняйте!» и т. п. за подписью группы имажинистов. В толпе собравшейся публики поднялось справедливое возмущение, принимавшее благоприятную форму для погромной агитации».

Через пару месяцев имажинисты поменяли таблички с названием ряда московских улиц. Дня два-три Тверская носила имя Есенина, Б. Дмитровка – Кусикова, Петровка – Мариенгофа, Б. Никитская – Шершеневича, Мясницкая – Николая Эрзмана. На остальные не хватило членов «нового» литературного течения. Летом 1921 года ночью на стенах города появилось «Обращение имажинистов» с таким вступлением: «Имажинисты всех стран, соединяйтесь! Всеобщая мобилизация поэтов, живописцев, актёров, композиторов, режиссёров и друзей действующего искусства».

На этот раз «шалость» зарвавшихся дитятей не прошла: пришлось побывать в ВЧК и выслушать мнение о себе людей серьёзных.

В обыденной жизни имажинисты были нахраписты и проявили деловую хватку: основали издательство и выпустили три десятка своих книг, создали журнал «Гостиница для путешественников в прекрасное», открыли две книжные лавки и кафе «Стойло Пегаса», устраивали поэтические вечера и читали лекции. В конце 1919 года вышел первый поэтический сборник имажинистов «Явь». «Отличился» в нём Мариенгоф:

*Кровью плюём зазорно
Богу в юродивый взор.
Вот на красном чёрным:
«Массовый террор».*

*Мётлами ветру будет
Говядину чью подместь.
В этой черепов груди
Наша красная месь.*

*По тысяче голов сразу
С плахи к пречистой тайне.
Боженька, сам Ты за пазухой
Выносил Каина,*

*Сам попригрел периной
Мужицкий топор –
Молимся Тебе материцной
За рабьих годов позор.*

Через год вышел сборник «Золотой кипяток», на который нарком просвещения А.В. Луначарский резко отреагировал в статье «Свобода книги и революция». Он назвал имажинистов шарлатанами, морочащими людей, и выразил сожаление о том, что среди них есть поэт, старающийся опаску-дуть свой талант.

В творческом плане 1919 год начался для Есенина изданием поэмы «Пантократор», а закончился написанием в сентябре «Кобыльих кораблей» – последней из так называемых революционно-космических поэм. Много времени ушло у Сергея Александровича на создание теоретической работы «Ключи Марии».

«Пантократор» – слово греческое и означает «всевластитель», «вседержатель». В качестве таковых в поэме выступают Бог и Красный конь:

*Тысячи лет те же звёзды славятся,
Тем же мёдом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.*

*За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К чёрту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.*

Красный конь в русских народных сказках отождествлялся с солнцем, поэт просит его:

Мы радугу тебе – дугой,

*Полярный круг – на сбрюю.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.*

Об этой жажде перемен и стремлении к чему-то новому и лучшему Г.Ф. Устинов, на глазах которого создавалась поэма, писал: «В “Пантократоре” Есенин больше всего сказался как революционер-бунтарь, стремящийся покорить к подножию Человека-Гражданина мира не только Землю, но и весь мир, всю природу. Он верит в неисчерпаемый источник человеческих сил и талантов, верит в непобедимую силу коллективного творчества, – силу, которая если захочет, то может вывести Землю из её орбиты и поставить на новый путь».

«Кобыльи корабли» называли поэмой голода. Мариенгоф связывал её появление с картиной, которую он наблюдал с другом в Москве:

«В те дни человек оказался крепче лошади. Лошади падали на улицах, дохли и усеивали своими мёртвыми тушами мостовые.

Мы с Есениным шли по Мясницкой. Число лошадиных трупов, сосчитанных ошалевшим глазом, раза в три превышало число кварталов от нашего Богословского до Красных ворот. Против Почтамта лежали две раздувшиеся туши. Чёрная туша без хвоста и белая с оскаленными зубами.

На белой сидели две вороны и доклёвывали глазной студень в пустых орбитах. Курносый “ирисник” в коричневом

котелке на белобрисой маленькой головёнке швырнул в них камнем. Вороны отмахнулись чёрным крылом и отругнулись карканьем.

Вторую тушу глодала собака. Протрусивший мимо на хлябеньких санках извозчик вытянул её кнутом. Из дыры, над которой некогда был хвост, она вытащила длинную и узкую, как отточенный карандаш, морду. Глаза у пса были недовольные, а белая морда окровавлена до ушей. Словно в красной полумаске. Пёс стал вкусно облизываться.

Всю обратную дорогу мы прошли молча».

От создания «Пантократора» до написания «Кобыльих кораблей» прошло полгода, а взгляд Есенина на торжество большевиков очень и очень изменился:

*Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берёз...*

* * *

*Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье...*

Чудесная гостья – это революция, Октябрьская революция, которую поэт называет злой. Он ещё признаёт, что большевики ведут Россию в будущее, но уже не хочет быть с ни-

МИ:

*Вёслами отрубленных рук
Вы гребётесь в страну грядущего.*

* * *

*О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?*

Этого Есенин не знает, но решительно отстраняется от тех, кто творит насилие, предпочитая «безобидный» мир зверей:

*Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.*

Современная поэту критика вполне лояльно отнеслась к последней маленькой поэме Есенина, но, конечно, не оставила без внимания имажинистские «закидоны» автора: «Что касается техники стиха, то какая уж там техника: не до жиру, быть бы живу! Понадобилось бы перебрать все рифмы, чтобы указать на неожиданные открытия» (М.А. Дьяконов);

«Русская литература сделала шаг вперёд! От брачных утех с козой мы дошли до овцы»²² (журн. «Книга и революция», Пг., 1920, № 1, с. 39).

Единственным литератором, решительно не принявшим поэму, был недавний товарищ и коллега Сергея Александровича Н.А. Клюев:

*И груз «Кобыльных кораблей» –
Обломки рифм, хромые стопы, –
Не с Коловратовых полей
В твоём венке гелиотропы.
Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...*

Творческие пути учителя (так Есенин называл Николая Алексеевича) и ученика разошлись навсегда. 4 декабря 1920 года Сергей писал Р.В. Иванову-Разумнику: «Ну, а что с Клюевым? Он с год тому назад прислал мне весьма хитрое письмо, думая, что мне, как и было, восемнадцать лет; я на него ему не ответил, и с тех пор о нём ничего не слышу».

...В декабре вышли «Ключи Марии» – основное теоретическое произведение Есенина, труд о творчестве в целом и о словесном искусстве в частности. В этой работе поэт выразил свои представления о путях и целях искусства, о сближении искусства с жизнью и бытом народа, с окружающей

---

²² Это ехидная подковырка по поводу следующей фразы в поэме: Если хочешь, поэт, жениться, Так женись на овце в хлеву.

его природой. В центре произведения проблема образности искусства: сущность образа и его разновидности, происхождение образов, а также протест автора против «словесной мертвенности» современной ему поэзии.

Распад семьи. 18 мая в Москву приехала З.Н. Райх. На следующий день встретила с мужем в кафе «Домино», которое находилось на Тверской, почти напротив будущего Центрального телеграфа. Слез радости не было. Сергей Александрович подарил супруге поэму «Преображение» с довольно суховатой надписью: «Милой Зинок от Сергуньки. Мая 19. 1919. В кафе поэтов».

Второе, что смог сделать Есенин, – поселил жену и одиннадцатимесячную дочь у В.Г. Шершеневича, который находился в это время на Украине. Сам обретался по углам. При встречах супругов случались грубые ссоры. Как-то Сергей Александрович обругал жену матом. Она ответила тем же. Есенин схватился за голову и простонал:

– Зиночка! Моя тургеневская девушка! Что же я с тобой сделал!

3. Райх

Шершеневич, вернувшийся из поездки, свидетельствовал: «Райх была при Есенине забитая, бесцветная и злая... Есенин держал Райх в чёрном теле, был равнодушен к их ребёнку и этим сильнее всего огорчал Райх».

Помаявшись около месяца в Москве, Зинаида Николаевна вернулась в Орёл. Довольный супруг расщедрился на денежный перевод: «Зина! Я послал тебе 2000 рублей. Денег у меня для тебя 10 000 рублей». По замечанию З. Прилепина, «деньги по тем временам не ахти какие: коробка спичек стоила 75 рублей, пара лаптей – 100 рублей, одна свеча – 500 рублей; месячный прожиточный минимум составлял 15 тысяч».

На исходе октября к Орлу подошла армия Деникина, и Райх была вынуждена покинуть город, так как с первых дней революции работала в советских наркоматах. В Орле жила в гостинице, в которой размещалось советское руководство.

В Москве Зинаида Николаевна явилась в Богословский переулок и некоторое время жила с мужем. Дочка отца не признавала. Мариенгоф вспоминал:

– Танечка, как в старых писали книжках, «живая была живулечка, не сходила с живого стулечка» – с няниных колен к Зинаиде Николаевне, от неё к Молабуху, от того ко мне. Только отцовского «живого стулечка» ни в какую она не признавала. И на хитрость пускались, и на лесть, и на подкуп,

и на строгость – всё попусту. Есенин не на шутку сердился и не в шутку же считал всё это «кознями Райх». А у Зинаиды Николаевны и без того стояла в горле слеза от обиды на Таньку, не восчувствовавшую отца...

В Богословском Мариенгоф занимал две комнаты, в них жили: сам хозяин, Есенин, Колобов, Райх с дочерью и няня. Поэтов это стесняло, и Сергей Александрович нашёл жене отдельное жильё. Сам остался с друзьями, пообещав супруге навещать (!) её. Последовал скандал. В надежде удержать супруга в семье, Зинаида Николаевна объявила о своей беременности – пятый месяц. Есенин поинтересовался: от кого? Ответ жены не удовлетворил его:

– Ну не знаю, не знаю...

Лгал? Не совсем. В мае, когда Райх жила в квартире Шершеневича, пару раз навещался к жене, и, скорее всего, нетрезвым. Мог и запомнить. А потом убедил себя в желаемом. Это он умел.

Любимая!

Меня вы не любили!

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

*С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несёт нас рок событий.*

Это из знаменитого «Письма к женщине», по сей день выбивающего у читателей слезу. К сожалению, содержание приведённых строк не соответствует действительности. Главное: Райх любила Есенина до конца своей жизни. И: в 1919 году поэт не мучился проблемами социального бытия, именно этот год считал самым счастливым в своей жизни, сознательно выбросив из неё семейные радости: «Пусть жизнь моя за песню продана». Семью он воспринимал как тяжкий крест на шее.

...Зинаида Николаевна устроилась на работу во внешкольный отдел Народного комиссариата просвещения консультантом по искусству. В жизнь супруга не вмешивалась, но раздражала его самым фактом своего существования. Как-то Есенин обратился за помощью к Мариенгофу.

– Любишь ли ты меня, Анатолий? Друг ты мне взаправдашний или не друг?

– Чего болтаешь!

– А вот чего... не могу я с Зинаидой жить... Вот тебе слово, не могу... Говорил ей – понимать не хочет... Не уйдёт, и всё... ни за что не уйдёт... Вбила себе в голову: «Любишь ты меня, Сергун, это знаю и другого знать не хочу...» Скажи ты ей, Толя (уж так прошу, как просить больше нельзя!), что есть у меня другая женщина.

– Что ты, Серёжа... Как можно!

– Друг ты мне или не друг?.. Вот... А из петли меня вынуть не хочешь... Петля мне её любовь... Толюк, милый, я похожу... пойду по бульварам к Москве-реке... а ты скажи – она непременно спросит, – что я у женщины... С весны, мол, путаюсь и влюблён накрепко... а таить этого не велел...

Райх была женщиной волевой и... беременной. Надеюсь, что супруг одумается. Но у Есенина осенью 1919 года действительно начался роман с молоденькой поэтессой Наденькой Вольпин, да и Мариенгоф помог. По рассказу Зинаиды Николаевны дочери: «Мариенгоф с помощью какой-то выдумки спровоцировал ужасающую сцену ревности. До родов оставался месяц с днями, мать прожила их у кого-то из знакомых. Вернуться к родителям она не могла, военные действия в районе Орла продолжались».

3 февраля Райх родила сына. Рожала она в Доме матери и ребёнка. По телефону позвонила мужу и спросила, какое имя он хочет дать ребёнку. Сергей Александрович задумался – ему не хотелось давать сыну литературное имя. В конце концов изрёк: «Константин». И только после крещения спохватился:

– Чёрт побери, а ведь Бальмонта Константином зовут.

Посмотреть на сына Есенин не удосужился, и Райх ещё долго оставалась в Доме матери и ребёнка. К мужу она не вернулась, подавленная его полным безразличием к себе и их детям.

И всё это Райх простила мужу. Выходила и вырастила детей, воспитала их в уважении к памяти отца, у которого что-то шевельнулось в душе к концу жизни. Укор за разрушенную семью и брошенных детей Есенин вложил в уста своей матери:

*Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.*

*Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушёл в кабацкий омут.*

«Письмо от матери»

Сердцу не прикажешь. В декабре лучшего года своей жизни Есенин окончательно расстался с Райх. После

нескольких скандалов разошлись мирно. Последний разговор с Зинаидой Сергей Александрович запечатлел в стихах.

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.*

*Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел –
Катиться дальше, вниз.*

«Письмо к женщине»

Бросив жену на восьмом месяце беременности, Есенин не скучал. В том же декабре навестил Лидию Кашину, бывшую помещицу Константинова. Не забывал и Эйгес. Начал встречаться с Надей Вольпин. Последней сообщил, что его бросила жена, и добавил:

– Она увела с собой ребёнка.

То есть он обижен и тоскует по женской ласке. Но Надень-

ка падать в объятия поэта, освободившегося от семейных уз, не спешила.

1920 год Сергей Александрович встречал в кругу имажинистов. Под аккомпанемент гитары пел частушки о поэтах: про Маяковского, который обокрал Уитмена, про Брюсова, похожего на крысину, про Клюева, автора стихов «в лаптях», про себя любимого:

*Ветер дует, ветер веет,
Под подолы шляется...
У Есенина Сергея
Золотые яйца...*

В этом скабрёзном четверостишии З. Прилепин усмотрел нечто таинственное, подлежащее осмыслению: «В ней²³ есть своя глубина».

После звонка Райх о рождении сына контактов с супругом у неё не было почти полгода. Случайно встретились 13 июля на вокзале Ростова-на-Дону. Зинаида ехала из Кисловодска в Москву. Из окна вагона увидела Мариенгофа и окликнула его. Когда он подошёл, попросила его:

– Скажите Серёже, что я еду с Костей. Он его не видел. Пусть зайдёт в вагон, глянет. Если не хочет со мной встречаться, могу выйти из купе.

Есенин заупрямился:

---

²³ В ней – в частушке.

– Не пойду. Не желаю. Нечего и незачем мне смотреть.

Анатолий Борисович стал его уговаривать:

– Пойди, скоро второй звонок. Сын ведь.

Пошёл. Зинаида Николаевна развязала ленточки кружевного конвертика. Ребёнок перебирал крохотными ножками.

– Фу! Чёрный! – вырвалось у отца. – Есенины чёрными не бывают.

– Серёжа!

Райх отвернулась к окну, плечи её вздрогнули.

– Ну, Анатолий, поднимайся. – И Есенин лёгкой танцующей походкой пошёл из вагона.

Но через пару дней всё же написал издателю А. Сахарову: «Встретишь Зинаиду – дай ей денег. Тысяч тридцать. Она нуждается».

19 февраля 1921 года Есенин подал заявление в отдел бракорасторжения на развод с Райх: «Прошу не отказать в вашем распоряжении. наших детей – Татьяну трёх лет и Константи́на одного года – оставить для воспитания у моей бывшей жены, беря на себя материальное обеспечение их».

Сразу отметим, помогал Сергей Александрович плохо: деньги на детей Райх приходилось из него буквально выбивать. Хорошо, Зинаиде Николаевне удалось устроиться на работу. Помогли давние связи отца: попала в секретариат Н.К. Крупской, ведавшей Народным комиссариатом просвещения. Собранный, умная, деятельная, Райх вскоре стала заведующей отделом. В её распоряжении был транспорт то-

го времени – «пара гнедых» и кучер, что вызывало откровенную зависть Мариенгофа, отпускаявшего по этому поводу злые шутки.

Не довольствуясь работой, Зинаида Николаевна поступила учиться в Государственные высшие режиссёрские мастерские, которые вёл В.Э. Мейерхольд. Довольно скоро Всеволод Эмильевич обратил внимание на красивую молодую женщину. И вскоре, писал драматург И. Глазков, в запутанных кривых переулках между Тверской и Б. Никитской можно было встретить тесно прижимавшихся друг к другу и накрытых одной шинелью мужчину и женщину.

Хотя и кривы, и темны были тогда московские переулки, но тайну великого режиссёра и его ученицы сохранить не смогли. Есенин буквально взбеленился. Но что он мог сделать? Сам написал заявление на развод. Сам захотел свободы, хотя имел её пудами. Недовольство собой и Зиной выразил в довольно вульгарных частушках:

Вс. Мейерхольд с Костей Есениным и матерью З. Райх

*Ох, и песней хлестану,
Аж засвищет задница,
Коль возьмёшь мою жену,
Буду низко кланяться.*

* * *

*Уж коль в суку ты влюблён,
В загс да и в кроваточку.
Мой за то тебе поклон
Будет низкий – в пяточку.*

«Сука!» – это о матери своих детей, которых она сберегла в годы разрухи, эпидемий и голода. Которая сама была на краю гибели и попала в неврологическую клинику... Много могла бы сказать Райх Сергею Александровичу, но всё прощала и держала в себе – любила. Да и он ярился по той же причине.

От неприятностей с женой Есенина отвлекла встреча 3 октября 1921 года с великой американской танцовщицей Айседорой Дункан. 5 октября он получил развод, а Райх – возможность начать жизнь сначала. Бывший супруг, по возможности, мешал ей. По ночам пьяный приходил «навещать» детей. Колотил в дверь Мейерхольда до тех пор, пока ему не показывали их крепко спящими в своих кроватях. В нагрудном кармане пиджака носил фотографию Тани и Кости. Любил показывать её кому ни попадя (вплоть до любовниц). О своём отцовстве не преминул сообщить берлинским репортерам после возвращения из Америки:

– Я еду в Россию повидать двух моих детей от прежней жены... Я не видел их с тех пор, как Айседора увезла меня из моей России. Меня обуревают отцовские чувства. Я еду в Москву обнять своих отпрысков. Я всё же отец.

Вот именно: «всё же». По случаю.

Таня и Костя не знали отца: приходил он редко, подарков не приносил (считал, что дети должны любить его, а не подарки), с ними не занимался, а только давал наказания в отношении их воспитания. Напоминания бывшей супруги о его долге перед детьми выводили Есенина из равновесия:

– Требует, тянет, как из бездонной бочки. Можно подумать, впроголодь живёт. Это за спиной у Мейерхольда!

Словом, редкие визиты Сергея Александровича в новую семью Райх радости никому не приносили. Дочь поэта говорила о них:

– С приходом Есенина у взрослых менялись лица. Кому-то становилось не по себе, кто-то умирал от любопытства.

3. Райх в роли Софьи («Горе от ума», спектакль театра Вс. Мейерхольда)

Но Зинаида Николаевна, довольная и счастливая во втором браке, по-прежнему любила первого мужа. Его гибель стала для неё сильнейшим потрясением. На похоронах она рыдала и кричала: «Прощай, моя песня, сказка моей жизни!» Что с ней творилось после, не поддаётся описанию. Константин, сын Есенина и Райх, писал позднее о душевном состоянии матери в эти дни: «Она лежала в спальне, почти утратив способность реального восприятия. Мейерхольд размеренным шагом ходил между спальней и ванной, носил воду в кувшинах, мокрые полотенца. Мать раза два выбегала к нам, порывисто обнимала и говорила, что мы теперь сироты».

Соединив свою судьбу с Мейерхольдом, Райх вступила в мир искусства, в котором нашлось место и для неё. Это было счастье, но... отринуть память о первом муже она так и не смогла. Будучи во Франции (1926), писала Бениславской, что в Париже ей напоминает о Есенине «каждый аршин асфальта».

Другая жизнь. Во втором замужестве всё было по-другому. Начнём с отношения отчима к детям – её и Есенина. «Какую только рабсилу не нанимали. Какие только учителя и репетиторы не ходили к нам с Костей с самого нежного возраста».

По воспоминаниям Татьяны Сергеевны, приходили две массажистки, парикмахер и репетиторы по самым разным школьным дисциплинам. Зимой 1935/36 годов актёр К. Карельских с женой давали детям уроки современных танцев. На эти уроки приходили одноклассницы Тани. Бывали и жившие поблизости жёны поэтов Н.А. Асеева и С.И. Кирсанова²⁴.

Всеволод Эмильевич был на двадцать лет старше Райх, но в их взаимоотношениях не было ущербности. Дочь Зинаиды Николаевны говорила по этому поводу:

– Вы думаете ей всегда было легко соответствовать Мейерхольду своим внешним видом?

И так отвечала на свой вопрос:

– Когда Мейерхольд надевал фрак, можно было упасть навзничь: эта одежда выносила наружу всю его артистичность.

Райх играла исключительную роль в жизни Всеволода Эмильевича. Мастер с нескрываемым чувством преклонения относился к супруге – ценил как актрису, почитал как женщину. Характерна в этом плане одна сцена. Как-то Зинаида Николаевна, дурачась, показала, как бы она сыграла старика Луку из пьесы «Медведь». Она шамкала и переваливалась на полусогнутых трясущихся ногах. Мейерхольд не выдержал и закричал:

---

²⁴ С 1928 года Мейерхольд и Райх жили в доме № 12 по Брюсовскому переулку, до этого – на Новинском бульваре.

– Перестань сейчас же, мне страшно, я не могу видеть, во что может превратиться себя красивая женщина.

В доме Райх была полной хозяйкой. Всеволод Эмильевич с удовольствием подчинялся ей и всячески ублажал. Вот характерный пример их дачной жизни. С помощью лома Мейерхольд пытается передвинуть тяжёлый буфет.

«Мать, – вспоминает Татьяна Сергеевна, – вдевая нитку в иголку, говорит:

– Севочка, не надо.

Удар, ещё удар. Мать всё так же спокойно просит:

– Севочка, прошу тебя, не надо портить пол.

Но Мейерхольд вошёл в раж. Бах, бах! Мать слегка повышает голос:

– Всеволод, я тебя очень прошу.

Ещё удар, ещё.

– Всеволод, прекрати немедленно!

Бах, бах! И вот тут мать срывается с места и бежит к нему, сжав кулаки:

– Мейерхольд! Я буду гневаться!

И тогда он, усмехаясь, неохотно отходит от буфета».

Как и многие женщины, Райх питала слабость к нарядам. Татьяна Сергеевна писала: «Вкус и творческий глаз Зинаиды Николаевны проявлялись в её умении одеваться, превращая себя иной раз с головы до ног в некий шедевр». Райх была красива: прелестные, как вишни, глаза и веки, как два лепестка, необыкновенная матовая кожа и абсолютная жен-

ственность, пышные круглые бёдра, смущавшие своей сексуальностью. Многие современники Зинаиды Николаевны вспоминали о ней восторженно.

– О-о! Какая это была женщина! – восклицал один из них. – Когда она появлялась там, где находились мужчины, в комнате немедленно возникало электрическое поле!

Райх любила пококетничать и жаждала внимания окружающих. Нравилась она не только мужчинам. Супруга драматурга Всеволода Вишневского признавалась:

– Я любила Зинаиду Николаевну. Мне нравилась её внешность. Мне нравилась она как актриса, как человек.

При всей своей занятости в театре и рассеянном образе жизни Райх умела держать дом, и Всеволод Эмильевич ценил это. Имела талант принимать гостей. В воспоминаниях о В.В. Маяковском есть эпизод, как Зинаида Николаевна разливала чай, каждому гостю подавала его с особой улыбкой и особым выражением лица. Сосед поэта по столу обратил на это его внимание. В ответ Владимир Владимирович тихо сказал: «Актриса».

О посетителях квартиры Мейерхольда Татьяна Сергеевна говорила:

– Кто угодно мог зайти, благо театр²⁵ находился в двух шагах. – Но затем уточняла: – К нему²⁶ всегда являлся определённый «контингент» – художники, композиторы, авторы.

---

²⁵ Государственный театр имени Мейерхольда (ГОСТИМ), Тверская, 6.

²⁶ К нему – к Мейерхольду.

Мать чаще всего не присоединялась к ним, у неё была масса других забот.

Не только забот, но и интересов. Впрочем, они тоже чаще всего были связаны с театром:

– Вот на Брюсовский принесли красный бархат великолепного оттенка. Все бросаются смотреть, все знают, что для платья первого акта никак не удавалось раздобыть материю. Мать прямо бросается на тёмное бархатное полупальто с серебристым узором – его Маргарет наденет, чтобы незаметно покинуть А... (Т.С. Есенина)

Всеволод Эмильевич не только сделал Райх актрисой, но и приобщил её к своей работе. Вот одно из свидетельств этого. «Простите, что пишу я, – сообщала Зинаида Николаевна Всеволоду Вишневскому. – У меня идея представлять Мейерхольду рабоче-творческую атмосферу, а потому снимаю с него в пору горячей работы обязанность писать письма, даже когда это необходимо. Будьте совсем спокойны и уверены. Я хотела бы даже, чтобы Вы были не только уверены и спокойны, но и влюблены в ту работу, что ведёт Мастер над пьесой. Он увлечён, идёт по пути изобретательства, страшно много интересного, и здесь взаимная любовь автора и Мастера давала бы большое оплодотворение работе».

Случалось Зинаиде Николаевне подменять супруга и в более важных делах. По воспоминаниям Л.Д. Снежницкого, он репетировал с ней в квартире Всеволода Эмильевича все сцены Армана Дюваля в «Даме с камелиями».

– По замыслу Мейерхольда Арман – провинциальный поэт, – рассказывала Райх. – Он проще, искреннее в чувствах, чем молодые люди XIX века, описанные во французской литературе. Арман воспитан на философии Руссо и Вольтера. Его увлечение Маргарет носит характер любви для неё, а не для себя.

Зинаида Николаевна старательно передавала партнёру по сцене опыт работы с Мастером. «Проходя» с Львом Дмитриевичем сцену первого объяснения в любви, она говорила:

– Знаете, когда мы репетировали это место с Царёвым, Мейерхольд рассыпал перед ним коробку спичек на ковёр и просил поднять одну из них. Всеволод Эмильевич предложил Михаилу Ивановичу говорить слова роли, ломая спичку на мелкие кусочки. Попробуйте, может, это поможет и вам.

– Не надеясь на хороший результат, – рассказывал Снежницкий, – я поднял одну из спичек и начал говорить текст роли, ломая спичку на крошечные кусочки. И вдруг я почувствовал себя свободно. Скованность исчезла. Ломая спичку, я сосредоточился на этом занятии. Голос звучал негромко, но взволнованно. Наша работа была прервана приходом Мейерхольда. Зинаида Николаевна рассказала ему об удачной репетиции и просила посмотреть пройденную сцену.

Между супругами было полное взаимопонимание. Всеволод Эмильевич боготворил жену, а Райх была признательна мужу за то, что вытянул её из нужды и сделал фигурой заметной и значимой в обществе. Насколько Мастер ценил

свою дражайшую половину, демонстрирует «спектакль», однажды устроенный им для Зиночки.

В ГОСТИМе обсуждался сценарий Ю.П. Германа по роману «Вступление» и был забракован. Рано утром следующего дня автора разбудил телефонный звонок. Вот что рассказывал он о последовавшей «беседе» с Мастером:

«– Ну? – осведомился Мейерхольд.

“Сейчас скажет, что меня будут судить, – вяло подумал я. – Вообще, есть за что!”

– Худо тебе?

– Плоховато!

– Гвардейские офицеры в старой армии в твоём положении застреливались, – со смешком произнёс Мейерхольд. – Ты читал об этом?

Тут я разозлился. Он не давил сейчас меня своим присутствием – этот человек. Я не видел его и не боялся. Пусть швырнёт трубку, а я с первым же поездом уеду в Ленинград. И вообще всё было кончено, кончено навсегда. Я заявил, что сценарий дрянь, что вся затея – халтура, что нынешний просмотр – логическое завершение нелепого замысла. Потом я выдохся и замолчал. С меня лил пот.

– А ещё что?

– Ничего, – буркнул я. – Посплю и уеду.

И тут Мейерхольд сыграл спектакль. Но боже, как это было грандиозно, этот удивительный театр для троих в седьмом часу утра. Третьей была Зинаида Николаевна Райх. Держа

трубку у рта, так, чтобы я всё слышал, он сказал Райх с непередаваемой интонацией отчаяния:

– Понимаешь, ему, оказывается, не понравился сценарий с самого начала. Но он не решился мне об этом сказать.

Наступила пауза. И вновь я услышал голос Мейерхольда.

– Произошло трагическое насилие над его творческой индивидуальностью. Ты только вникни в эту бездну, Зина, пойми эту трусость заячьей молодости, это отсутствие собственного мнения, это...

– Не так! – заорал я.

Но он не слышал. Он говорил:

– А теперь мы пропали. Мы не получим пьесу о том, что так нас с тобой радовало в его книге, зритель не увидит этих немецких безработных инженеров, не увидит смерть Нунбаха, не увидит...

Спектакль продолжался долго. К концу его я почувствовал себя виноватым во всём.

– Выпись! – сказал Мейерхольд. – Завтра начнём всё с самого начала.

Сердце моё билось. Мы с тобой! Я с самим Мейерхольдом!»

Райх безоговорочно поддерживала Всеволода Эмильевича в борьбе за своё право на самобытность, за новые пути в развитии любимого детища – ГОСТИМа. Зинаида Николаевна решилась, казалось бы, на невозможное – написала отчаянное и дерзкое письмо Сталину: «Я с Вами всё время

спору в своей голове. Всё время доказываю Вашу неправоту в искусстве. Я в нём живу больше 20 лет; Толстой (простите, что, почти как Хлестаков, я говорю – “и я”) писал статью об искусстве 15 лет; Вы были заняты не тем (искусство – надстройка) и правы по тому закону, который Вы себе поставили...»

...Интересная и насыщенная «другая жизнь» Зинаиды Николаевны Райх была прервана закрытием Государственного театра имени Мейерхольда и арестом его основателя и руководителя. А затем кому-то потребовалось лишить её жизни (вопрос тёмный и нерешённый до сего дня). Словом, сознательная жизнь красивой и неординарной женщины началась с драмы (С. Есенин) и закончилась трагедией, что в общемто было характерно для второй половины 1930-х годов: нет человека – и проблемы нет для властей предрежущих.

Глава 3. «Каждый за себя»

«Ты одного его любишь». С отъезда жены в Орёл Есенин не видел её почти год. Не удивительно, что в марте 1919 года он загулял. Его избранницей была Екатерина Эйгес, женщина 29 лет. Но выглядела она значительно моложе, и, как говорится, всё было при ней: брюнетка, маленькие красивые руки, чётко очерченная фигура, плавная походка.

Катя происходила из еврейской семьи, но никаких еврейских традиций в её быту не было. Её отец, земский врач Р.М. Эйгес, за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов получил чин действительного статского советника. Мать хорошо знала немецкий язык; в её переводе неоднократно выходили «Страдания юного Вертера» Гёте. Старший брат Кати был композитором, другой – живописцем.

Эйгес, десятый ребёнок в семье, ещё до революции окончила математический факультет Московского университета, но свою жизнь связала с поэзией. Училась на Высших литературно-художественных курсах и работала в библиотеке НКВД. Жила Катя в гостинице «Люкс», приспособленной под общежитие Народного комиссариата внутренних дел. В её распоряжении были большая светлая комната, стол и телефон.

– В начале весны, – вспоминала Катя, – я отнесла свою тетрадь со стихами в Президиум Союза поэтов. Там за столом сидел Шершеневич, а на диване в свободных позах расположились Есенин, Кусиков, Грузинов. Все они подошли ко мне, познакомились, спросили адрес.

О Сергее Александровиче Эйгес кое-что знала:

– Однажды по дороге со службы я увидела в окне книжного магазина книжечку стихов Есенина «Голубень». Я купила её и сразу почувствовала весь аромат есенинских стихов.

После официального знакомства поэт не замедлил предстать перед Катей в её личных апартаментах:

– Через несколько дней в двери моей комнаты постучались. Это был Есенин. Он был тих и скромн, держался даже застенчиво.

Для более близкого знакомства Сергей Александрович рассказал даже о своём появлении в 1915 году в Петрограде. Это была его любимая тема в плетении мифотворчества о себе. Вскрывая причину рождения есенинских баек, Захар Прилепин писал: «Что-то в этом было крестьянское, чуть лукавое, почти сказочное: явился из ниоткуда, обхитрил всех и теперь, глядите, стал первым; где они – все те, кто смотрел на него свысока?»

Есенин в это время (март 1919 года) жил с Мариенгофом в Богословском переулке, 6. Этот дом и здание гостиницы

«Люкс» стояли углами друг против друга, что очень способствовало сближению новых знакомых.

– Нельзя было выйти из дома, – вспоминала Эйгес, – чтобы не встретиться с парой: один, более высокий, – Мариенгоф, другой, пониже, Есенин. Увидев меня, Есенин часто подходил ко мне. Иногда он шёл окружённый целой группой поэтов. Разговаривая с шедшими рядом с ним поэтами, Есенин что-то очень горячо доказывал, размахивал руками. Он говорил об образе поэзии – это была его излюбленная тема.

– Когда же он пишет стихи? – удивлялась поэтесса. – Вероятно, ночами. Домашней жизни у него не было: где-то он и Мариенгоф пьют чай, где-то завтракают, где-то обедают...

О семейной жизни Сергея Александровича Эйгес узнала от него самого. Как-то он вынул из кармана пиджака фотографию девочки с большим бантом на голове и пояснил новой подруге:

– У меня, Катя, есть жена, но я сней не живу. Ещё у меня, Катя, есть дочь, но видел я её только на фотографии. Но главное, Катя, на сегодня, – мой имажинизм. Ты видишь мою жизнь, иной она не станет.

Есенин оказался человеком целеустремлённым: поэзия, мировое признание и ни шагу в сторону. Рассказывая Мариенгофу о своём приезде в 1915 году в столицу, посмеивался над неожиданными покровителями:

– Говорил им, что еду в Ригу бочки катать. Жрать, мол, нечего. А в Петербург на денёк, на два, пока партия грузчи-

ков подберётся. А какие там бочки – за мировой славой в Санкт-Петербург приехал, за бронзовым монументом.

А в конце своего осознанного бытия поэт восклицал: «Пусть вся жизнь моя за песню продана!» И это была не поэтическая поза, а твёрдая констатация итогов короткой жизни в эфемерном мире поэзии.

И Эйгес приняла эту жажду самосожжения пока ещё только известного поэта. Катя была охвачена высоким чувством и следила за каждым шагом любимого:

«Кроме встреч ещё были какие-то постоянные напоминания о нём. То я вижу на улице афишу о выступлении с его фамилией, то, работая в библиотеке, я постоянно натываюсь на его фамилию, разбирая какие-нибудь журналы или газеты. Это были или его стихи, или критика о его стихах.

Много писали о его стихах в провинциальных газетах или журналах, которые мы получали в библиотеке. Раскрывая газету, я машинально искала букву “Е” и действительно наталкивалась на его имя. Вот что-то написано о нём, и я с жадностью прочитываю. Ведь это было время подъёма его славы».

О нём говорили, писали, ходили на его выступления. Если не все проникались чувством его стихов, то многие шли ради любопытства послушать, повидать то, о чём так много говорят. Он и сам чувствовал и любовь, и поклонение, и влияние, которое он производил на молодых поэтов. Иногда он говорил про молодёжь: «Меня перепевают». Но был этим доволен.

Поэт был бесцеремонен. Правил приличия для него не существовало, полагал: что хорошо ему, то радостно и другим. Его крайний эгоизм невольно поощрялся терпимостью окружения: поэт ведь! Да ещё какой поэт!

«Часто, – вспоминала Эйгес, – Есенин звонил мне по телефону. Стояли весенние дни, но топить уже перестали. Кутаясь от холода и стараясь уснуть, я вдруг вздрагивала от резкого звонка.

Есенин звонил, вернувшись поздно откуда-нибудь домой. Называя меня по фамилии и на “ты” (так было принято и заведено поэтами между собой), он говорил отрывисто, нечленораздельно, может быть, находясь в не совсем трезвом виде, вроде того: “Эйгес, понимаешь, дуб, понимаешь”, что-то в этом роде, часто упоминая слово “дуб”. Я, конечно, ничего не понимала, однако образ “дуба” как-то ясно запомнился...»²⁷

Катя имела хороший голос, и Сергей просил спеть его любимые песни. Но о них она даже не слышала (росла в другой социальной среде). Пела те, что знала. Эти вокальные вечера проходили в гостиничном номере. Но на ночь Есенин шёл домой: такой был уговор с Мариенгофом – женщин к себе не приводить и спать дома. Моралистом был Анатолий Борисович, но приятеля от искушения не уберёг.

---

²⁷ Это первое свидетельство о том, что Есенин начал пить, – март 1919 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.